Клайв С. Льюис

ПЛЕМЯННИК ЧАРОДЕЯ

Племянник чародея
Клайв Стейплз Льюис

Аннотация
Клайв Льюис. Племянник чародея
Глава первая. О том, как дети ошиблись дверью
Глава вторая. Дигори и его дядя
Глава третья. Лес-между-мирами
Глава четвёртая. Молот и колокол
Глава пятая. Страшное слово
Глава шестая. О том, как начались несчастья дяди Эндрью
Глава седьмая. О том, что случилось перед домом
Глава восьмая. Битва у фонаря и что было дальше
Глава девятая. О том, как была создана Нарния
Глава десятая. Первая шутка и другие события
Глава одиннадцатая. О злоключениях Дигори и его дяди
Глава двенадцатая. Приключения Землянички
Глава тринадцатая. Неожиданная встреча
Глава четырнадцатая. О том, как посадили дивное дерево
Глава пятнадцатая. О том, как кончилась эта повесть и начались все остальные

Аннотация

Однажды в Лондоне летним дождливым днем начались невероятные приключения девочки Полли и мальчика Дигори. Открыв тайную дверцу в комнату дяди Дигори – волшебника, они невольно стали путешественниками между мирами и свидетелями возникновения волшебной страны Нарнии, где звери и люди соседствуют со сказочными созданиями (гномами, фавнами, эльфами и др.) и все живут в мире и радости.

Так ли безмятежен этот новый мир? Зло, несущее ужас, отчаяние и смерть, укрепляется на севере страны. И первое путешествие в Нарнию – это только начало предстоящей битвы за Жизнь.

Клайв Льюис
Племянник чародея

Глава первая
О том, как дети ошиблись дверью

Повесть эта о том, что случилось, когда твой дедушка был маленьким. Она очень важна, потому что без неё не поймёшь, как установилась связь между нашим миром и Нарнией.

В те дни Шерлок Холмс ещё жил на Бейкер-стрит, а Патер Браун ещё не расследовал пре-

ступлений. В те дни, если ты был мальчиком, тебе приходилось носить каждый день твёрдый белый воротничок, а школы большей частью были ещё хуже, чем теперь. Но еда была лучше, а что до сластей, я и говорить не стану, как они были дёшевы и вкусны, — зачем тебя зря мучить. И в те самые дни жила в Лондоне девочка Полли Пламмер.

Жила она в одном из домов, стоявших тесным рядом. Как-то утром она вышла в крошечный садик позади дома, и мальчик из соседнего садика подошёл к самой изгороди. Полли удивилась: до сих пор в том доме детей не было, там жили мисс и мистер Кеттерли, старая дева и старый холостяк. И вот Полли удивлённо посмотрела на мальчика. Лицо у него было грязное, словно он копался в земле, потом плакал, потом утёрся рукой. Примерно это, надо сказать, он и делал.

— Здравствуй, мальчик, — сказала Полли.

— Здравствуй, — сказал мальчик. — Как тебя зовут?

— Полли, — сказала Полли. — А тебя?

— Дигори, — сказал мальчик.

— Ой, как смешно! — сказала Полли.

— Ничего смешного не вижу, — сказал мальчик.

— А я вижу, — сказала Полли.

— А я нет, — сказал мальчик.

— Я хоть умываюсь, — сказала Полли. — А тебе вот надо умыться, особенно… — И она замолчала, потому что хотела сказать: «…после того, как ты плакал», но решила, что это невежливо.

— Ну и что, ну и ревел! — громко сказал Дигори; ему было так худо, что чужое мнение уже не трогало его. — И сама бы ревела, если бы жила всю жизнь в саду, и у тебя был пони, и ты бы купалась в речке, а потом тебя притащили в эту дыру…

— Лондон не дыра, — возмутилась Полли. Но Дигори так страдал, что не заметил её слов.

— ...и если бы твой папа уехал в Индию, — продолжал он, — и ты бы приехала к тёте и дяде, а

он сумасшедший, да, самый что ни на есть, и все потому, что за мамой надо ухаживать, она очень больна… и… и… — Лицо его перекосилось, как бывает всегда, если пытаешься не заплакать.

— Прости, я не знала, — смиренно сказала Полли и помолчала немного, но ей хотелось отвлечь Дигори, и она спросила: — Неужели мистер Кеттерли сумасшедший?

— Да, — сказал Дигори, — или еще хуже. Он что-то делает в мансарде, тетя Летти меня туда не пускает. Странно, а? Но это ещё что! Когда он обращается ко мне за обедом — к ней он и не пробует, — она говорит: «Эндрью, не беспокой ребёнка», или: «Дигори это ни к чему», или: «Дигори, а не поиграть ли тебе в садике?»

— Что же он хочет сказать?

— Не знаю. Он ни разу не договорил. Но и это не всё. Один раз, то есть вчера вечером, я проходил мимо лестницы — ох и противно! — и слышал, что в мансарде кто-то кричит.

— Может быть, он там держит сумасшедшую жену?

— Да, я тоже подумал.

— А может, он печатает деньги?

— А может, он пират, как в «Острове сокровищ», и прячется от прежних друзей…

— Ой, как интересно! — сказала Полли. — Вот не знала, что у вас такой замечательный дом.

— Тебе интересно, — сказал Дигори, — а мне в этом доме спать. Лежишь, а он крадётся к твоей комнате… И глаза у него жуткие.

Так познакомились Полли и Дигори; и поскольку были каникулы, а к морю в тот год никто из них не ехал, они стали видеться почти каждый день.

Приключения их начались потому, что лето было на редкость дождливое. Приходилось сидеть дома, а значит — исследовать дом. Просто удивительно, сколько всего можно найти в доме или в двух соседних домах, если у тебя есть свечка. Полли знала давно, что с её чердака идет проход вроде туннеля, с одной стороны — кирпичная стенка, с другой — покатая крыша. Свет проникал туда через просветы черепицы, пола не было, ступать приходилось по балкам. Под ними белела штукатурка, а если станешь на неё, провалишься прямо в комнату. До конца туннеля Полли не ходила, а в начале, сразу за дверцей, устроила что-то вроде пещеры контрабандиста. Она натаскала туда картонных коробок и сидений от сломанных стульев и положила между балками, как бы настлала пол. Там она хранила

шкатулку с сокровищами и повесть, которую она писала, и несколько яблок; там любила выпить имбирного лимонада — какая же пещера без пустых бутылок?

Дигори пещера понравилась (повесть ему не показали), но ему хотелось залезть подальше.

— Интересно, — сказал он, — докуда можно дойти? Дальше твоего дома или нет?

— Дальше, — сказала Полли, — а докуда, не знаю.

— Значит, мы пройдём все дома насквозь.

— Да, — сказала Полли. — Ой!..

— Что такое?

— Мы в них залезем.

— И нас схватят, как воров. Нет уж, благодарю.

— Ох, какой умный! Мы залезем в пустой дом, сразу за твоим.

— А что там такое?

— Да он пустой, папа говорит, там давно никого нет.

— Посмотреть надо, — сказал Дигори. На самом деле боялся он гораздо больше, чем можно было предположить, судя по его тону. Конечно, он подумал, как и вы бы подумали, о том, почему в этом доме никто не живет; думала об этом и Полли. Никто не сказал слова «привидения», но

оба знали, что теперь отступать стыдно.

— Идём? — сказал Дигори.

— Идём, — сказала Полли.

— Не хочешь, не иди, — сказал Дигори.

— Нет, я пойду, — сказала Полли.

— А как мы узнаем, что мы в том доме?

Они решили пойти на чердак и, шагая с балки на балку, отмерять, сколько балок приходится на комнату. Потом они отведут балки четыре на промежуток между чердаком и комнатой служанки, а на саму эту комнату — столько, сколько на чердак. Проделав такое расстояние дважды, можно сказать, что миновали оба дома и дальше идёт уже тот, пустой.

— Не думаю, что он совсем пустой, — сказал Дигори.

— А какой же?

— Кто-нибудь там скрывается, а выходит ночью, прикрыв фонарь. Наверное, шайка… жуткие злодеи… они от нас откупятся… Нет, не может дом стоять пустой столько лет. Это какая-то тайна.

— Папа думает, там протекают трубы, — сказала Полли.

— Взрослые всегда думают самое неинтересное, — сказал Дигори.

Теперь, при дневном свете, как-то меньше

верилось в привидения — не то что в пещере, при свечах.

Измерив шагами чердак, они записали, что вышло, и у каждого вышло иначе. Как-то они свели результаты воедино, однако я не уверен, что и тут получилось правильно. Слишком хотелось им начать исследование.

— Ступай потише, — сказала Полли, когда они полезли в проход. Ради такого случая каждый взял по свече (у Полли в тайнике их было много).

Проход был пыльным, и тёмным, и холодным. Полли и Дигори ступали с балки на балку молча, только иногда шептали: «Теперь твой чердак» или «Наш дом мы почти прошли». Они не споткнулись ни разу, и свечи у них не погасли, и дверцы в кирпичной стене они достигли, только на ней, конечно, не было ручки, потому что никто не входил в неё снаружи. Однако внутри ручка была, а снаружи торчал шпенёк (такой бывает внутри шкафа).

— Повернуть его? — спросил Дигори.

— Если ты не боишься, — сказала Полли, — а то я поверну.

Обоим стало жутковато, но отступить они не смогли бы. Дигори не без труда повернул шпенёк. Дверь распахнулась, и солнечный свет ослепил их. Потом, к большому своему удивлению, они

увидели, что перед ними не пустой чердак, а простая, хотя и пустоватая комната. Полли задула свечу и ступила туда.

Конечно, потолок здесь был скошен, но мебель стояла самая обычная. Стены не были видны из-за книжных полок, сплошь уставленных книгами, в камине горел огонь (вы помните, лето было холодное), а перед камином, спинкой к ним, стояло высокое кресло. Между креслом и Полли, посреди комнаты, стоял очень большой стол, а на нём были книги, блокноты, чернильницы, перья, сургуч и микроскоп. Но прежде всего в глаза бросался ярко-алый деревянный поднос, на котором лежали кольца. Разложены они были по два — жёлтое и зелёное, потом промежуток, потом еще одно жёлтое и еще одно зелёное. Размера они были обычного, но сверкали ослепительно. Вы и представить себе не можете, как дивно они сверкали. Будь Полли помладше, ей бы захотелось сунуть одно из них в рот.

В комнате было так тихо, что Полли сразу услышала тиканье часов. И все-таки тихо было не совсем: где-то что-то гудело. Если бы тогда уже изобрели пылесос, Полли подумала бы, что это он и работает за несколько комнат и этажей отсюда. Но звук был приятней, чем у пылесоса, и очень,

очень тихий.

— Иди, тут никого нет, — сказала она, и грязный Дигори, моргая, вышел из прохода (грязной, конечно, была и Полли).

— Стоило лезть! — сказал он. — Совсем он не пустой. Давай уйдём, пока они не вернулись.

— Как ты думаешь, кто здесь живёт? — спросила Полли, указывая на зелёные и жёлтые кольца.

— А какое нам дело! — сказал Дигори. — Давай… — Но фразы он не кончил.

Кресло с высокой спинкой, стоявшее перед камином, задвигалось, а из-за него, как в пантомиме, вылез дядя Эндрью. Они были не в пустом доме, они были в доме Дигори, да ещё и в заповедной мансарде! Дети хором выговорили: «О-о-ой!» Теперь обоим казалось, что иначе и быть не могло, слишком мало они прошли.

Дядя Эндрью был очень высоким и тощим, длиннолицым, остроносым, с необычайно блестящими глазами и седыми взъерошенными волосами. Сейчас он казался ещё страшнее, чем обычно. Дигори просто говорить не мог. Полли испугалась меньше, но и ей стало не по себе, когда дядя Эндрью молча прошёл к дверям и запер их на ключ. После этого он повернулся к детям, взглянул на них сверкающими глазами и

обнажил в улыбке острые зубы.

— Ну вот! — сказал он. — Теперь моя дура-сестрица до вас не доберётся.

Полли и не думала, что от взрослых можно такое ожидать. Она ужасно испугалась, и оба они с Дигори попятились к дверце, в которую вошли,

но дядя обогнал их — он запер и её, а вдобавок встал перед нею. Потом он потёр руки так, что пальцы затрещали (пальцы у него были длинные и белые).

— Счастлив вас видеть, — сказал он. — Двое деток — именно то, что мне нужно.

— Мистер Кеттерли, — сказала Полли, — мне пора обедать, меня ждут дома. Отпустите нас, пожалуйста!..

— Со временем, со временем, — сказал дядя Эндрью. — Нельзя упускать такой случай. Мне не хватало именно двух деток. Понимаете, я ставлю небывалый, великий опыт. С морской свинкой как будто бы получилось. Но свинка ничего не расскажет. Да ей и не объяснишь, как вернуться.

— Дядя, — сказал Дигори, — обедать и правда пора, нас станут искать. Вы должны отпустить…

— Должен? — спросил дядя Эндрью. Дигори и Полли переглянулись. Говорить они не смели, но взгляды их значили: «Ужас какой!» и «Надо его умаслить».

— Если вы нас выпустите, — сказала Полли, — мы придём после обеда.

— Кто вас знает? — сказал дядя Эндрью и хитро усмехнулся. Но тут же передумал. — Хорошо, — проговорил он, — надо так надо. На что таким

детям старый, скучный человек!.. — Он вздохнул. — Если бы вы знали, как мне бывает одиноко. Да что там… Идите, обедайте. Только сперва я вам кое-что подарю. Не каждый день у меня бывают маленькие девочки, особенно — такие милые…

Полли подумала, что он не такой уж и сумасшедший.

— Хочешь колечко, душечка? — спросил её дядя Эндрью.

— Жёлтое или зелёное? — спросила она. — Какая прелесть!

— Нет, не зелёное, — сказал дядя. — Мне очень жаль, но зелёное я дать не могу. А жёлтое — с удовольствием. Бери и носи на здоровье. Ну, бери!

Полли больше не боялась, дядя был совсем не сумасшедший, а кольца и впрямь прелестны. Она шагнула к столу.

— Смотрите-ка! — сказала она. — Гудит и гудит, как будто сами кольца.

— Какая странная мысль! — сказал дядя и засмеялся. Смех был вполне естественный, однако Дигори не понравилось слишком бодрое, чуть ли не алчное выражение дядиных глаз.

— Полли, не бери! — крикнул он. — Не трогай!

Но было поздно. Он еще говорил, когда Полли коснулась одного кольца — и сразу же, без звука,

исчезла. Дигори и его дядя остались одни.

Глава вторая
Дигори и его дядя

Случилось это так неожиданно и так походило на страшный сон, что Дигори вскрикнул. Дядя Эндрью зажал ему рот рукой, прошипел: «Не смей!» — и прибавил помягче:

— Не шуми, твоя мама услышит. Зачем её пугать?

Дигори говорил потом, что его просто затошнило от такой подлой уловки. Но, конечно, кричать он больше не стал.

— То-то, — сказал дядя. — Ничего не поделаешь, каждый бы удивился. Я и сам удивился вчера, когда исчезла свинка.

— Это вы и кричали? — спросил Дигори.

— Ах, ты слышал? Ты что, следил за мной?

— Нет, — сердито сказал Дигори. — Вы объясните, что с Полли!

— Поздравь меня, мой мальчик, — сказал дядя Эндрью, потирая руки. — Опыт удался. Девочка исчезла… сгинула… в этом мире её нет.

— Что вы с ней сделали?!

— Послал… э… в другое место.

— Не понимаю, — сказал Дигори.

Дядя Эндрью опустился в кресло и сказал:

— Что ж, я тебе объясню. Ты слышал когда-нибудь о мисс Лё Фэй?

— Она наша двоюродная бабушка? — припомнил Дигори.

— Не совсем, — сказал дядя Эндрью, — она моя крёстная. Вон её портрет, смотри.

Дигори посмотрел и увидел на выцветшей фотографии старую даму в чепце. Теперь он вспомнил, что такой же портрет видел ещё дома, в комоде, и спросил маму, кто это, и мама почему-то замялась. Лицо было неприятное, но кто его знает, на этих старинных фотографиях…

— Кажется… кажется, она была… не совсем хорошая? — спросил он.

— Ну, — отвечал дядя Эндрью, — это зависит

от того, что называть хорошим. Люди узки, мой друг. Да, странности у неё были. Бывали и… чудачества. Иначе её не поместили бы…

— В сумасшедший дом?

— Нет, нет, нет! — Дядя был шокирован. — Ничего подобного! В тюрьму.

— Ой! — сказал Дигори. — А за что?

— Бедная женщина! — со вздохом проговорил дядя. — Не хватило благоразумия… Но не будем в это вдаваться. Ко мне она всегда была добра.

— Да при чём тут это! — вскричал Дигори. — Где Полли?

— Всё в своё время, мой друг, — сказал дядя. — Мисс Лё Фэй выпустили, и после этого она почти никого не хотела видеть. Я был из тех немногих, кого она ещё принимала. Видишь ли, её стали раздражать ординарные, скучные люди. Собственно, они раздражают и меня. Кроме того, у нас с ней были общие интересы. За несколько дней до смерти она велела мне открыть тайничок в её шкафу и принести ей маленькую шкатулку. Как только я эту шкатулку тронул, я почувствовал — да, просто пальцами, — что в моих руках огромная тайна. Когда я принёс, она отдала мне её и приказала, не открывая, сжечь сразу после её смерти с определенными церемониями. Конечно,

я этого не сделал.

— И очень плохо, — сказал Дигори.

— Плохо? — удивился дядя. — А, понимаю! По-твоему, надо выполнять обещания. Резонно, резонно, вот ты и выполняй. Но, сам посуди, такие правила хороши для слуг, детей, женщин, вообще для людей, но не для великих учёных, мыслителей и мудрецов. Нет, Дигори. Те, кто причастен тайной мудрости, свободны и от мещанских правил, и от мещанских радостей. Судьба наша, мой мальчик, возвышенна и необычна. Удел наш высок, мы одиноки…

Он вздохнул с такой благородной, такой таинственной печалью, что Дигори целую секунду сочувствовал ему. Но тут он вспомнил, какими были дядины глаза, когда он предлагал Полли кольцо, и подумал: «Ага, это значит, что он может делать всё, что ему угодно!..»

— Конечно, шкатулку я открыл не сразу, — продолжал дядя. — Я опасался, нет ли в ней чего-нибудь… нежелательного. Моя крёстная была чрезвычайно своеобразной дамой. Собственно, она последняя из смертных, в ком текла кровь фей. Сама она ещё застала двух таких женщин — герцогиню и подёнщицу. Ты, Дигори, беседуешь с последним человеком, у которого была

фея-крёстная. Будет что вспомнить в старости, мой мальчик!

«Ведьма она, а не фея!» — подумал Дигори и снова спросил:

— А где же Полли?

— Какой ты нетерпеливый! — сказал дядя. — Разве в этом дело? Сперва, конечно, я осмотрел шкатулку. Она была очень старинная. Я сразу понял, что это не Греция, не Египет, не Вавилон и не страна хеттов, даже не Китай. Она была древнее всех этих стран. Наконец, в один поистине великий день, я догадался, что сделана она в Атлантиде, то есть на много веков раньше, чем те каменные штуковины, которые выкапывают в Европе. Да, это вам не грубый топор! Ещё на заре времён в Атлантиде были дворцы, и храмы, и учёные.

Он подождал немного, но Дигори не восхищался, ибо дядя с каждой минутой все меньше нравился ему.

— Тем временем, — продолжал дядя, — я изучал тайные науки (вряд ли прилично рассказывать о них ребёнку). Пришлось познакомиться с… как бы это сказать… чертовски странными людьми и пройти через довольно гнусные испытания. От всего этого я и поседел раньше времени. Стать

чародеем — это тебе не шутка! Я вконец испортил здоровье — правда, теперь мне лучше. Зато я *узнал.*

Подслушать их было некому, но дядя подвинулся поближе и понизил голос:

— То, что было в шкатулке, — не нашего мира, и попало оно к нам, когда наш мир только-только начинался.

— Что же именно там было? — спросил Дигори, поневоле захваченный рассказом.

— Пыль, — отвечал дядя Эндрью, — сухая пыль. Смотреть не на что. Но я-то посмотрел — не тронул, нет, но взглянул! Как-никак она из *другого мира*, не с другой планеты, вообще из другого, из другой природы, куда не попадёшь через пространство… только колдовством, да!

И дядя потёр руки так, что пальцы у него затрещали, словно фейерверк.

— Понятно, я знал, — продолжал дядя, — что пыль эта может перенести в другие миры, если слепишь из неё то, что надо. Но что же именно и как? Много опытов я проделал впустую. Морские свинки просто погибали или лопались…

— Какой ужас! — перебил его Дигори, у которого когда-то была морская свинка.

— При чём тут ужас? — сказал дядя Эндрью. —

Свинки для того и созданы. Я их покупал на свои деньги. Так вот, о чём же я... Да, наконец удалось слепить кольца, жёлтые кольца. Тут и началось самое трудное. Я был уверен, что они перенесут моих подопечных куда надо. Но как же я узнаю, что там? Как их вернуть сюда?

— Можно бы и о них подумать, — сказал Дигори. — Хорошенькое положеньице, если они там застряли!

— Ты не научно на всё смотришь, — нетерпеливо сказал дядя Эндрью. — Неужели ты не можешь понять, что ставится опыт века? Я для того туда и посылаю, чтобы узнать, что там такое.

— Почему же тогда самому не отправиться?

Дигори в жизни не видел такого искреннего удивления.

— Кому, мне?! — воскликнул дядя. — Ты с ума сошёл! В мои годы, с моим здоровьем!.. Да это же страшно опасно! Что за глупость! Ты понимаешь, что говоришь? Да в этих мирах может случиться что угодно!

— А Полли теперь там... — сказал Дигори, багровея от гнева. — Хоть вы мне и дядя, я прямо скажу — это... это подлость. Только трус пошлёт девочку вместо себя.

— Тихо! — крикнул дядя Эндрью, хлопая рукой

по столу. — Я не позволю так говорить с собой грязному мальчишке! Пойми, я великий учёный, чародей, я посвящён в тайные знания, я ставлю опыт. Конечно, мне нужны подопытные… э… существа. Что же, прикажешь свинку спрашивать? Наука требует жертв. Идти самому? Смешно! Не идёт же генерал в битву. Предположим, я погибну. Что будет тогда с делом моей жизни?

— Ох, хватит! — невежливо крикнул Дигори. — Как вернуть Полли?

— Я как раз собирался это объяснить, когда ты так грубо меня перебил, — ответил дядя Эндрью. — Для этого нужно зелёное кольцо.

— У Полли нет зелёного кольца, — возразил племянник.

— Вот именно, — кивнул дядя и жутко улыбнулся.

— Значит, она не вернётся! — крикнул Дигори. — Вы её убили!

— Почему же, вернуться она может, — сказал дядя Эндрью, — если кто-нибудь отнесёт ей это зелёное кольцо.

Тогда Дигори понял, в какую он попал ловушку, и молча, очень бледный, уставился на дядю.

— Надеюсь, — достойно и громко промолвил тот, словно лучший из дядюшек, дающий добрый

совет племяннику, — *надеюсь*, мой мальчик, ты не трус. Я был бы очень огорчён, если бы у кого-нибудь из нашей семьи было так мало рыцарства и чести, что он оставил бы… э-э… даму в беде.

— Ох, не могу! — снова крикнул Дигори. — Была бы у вас самого честь, вы бы и отнесли кольца. Ладно, я понял. Только один-то из нашей семьи уж точно подлец. Это же всё подстроено!

— Конечно, — ответил дядя Эндрью, все так же мерзко улыбаясь.

— Что ж, я пойду, — сказал Дигори. — Только сперва скажу. Раньше я в сказки не верил, теперь верю. Так вот, в сказках злые чародеи добром не кончают.

Наконец-то дядю проняло — он так испугался, что при всей его подлости вы бы его, наверное, пожалели. Но, вымученно засмеявшись, он всё же сказал:

— Ох, дети, дети! Конечно, чего и ждать? Женское воспитание… Сказки, говоришь? Ничего, обо мне не беспокойся. Побеспокойся лучше о своей подружке. Она там давненько. Если эти миры опасны… да… Жалко было бы опоздать!

— Это вам-то? — гневно вскричал Дигори. — Ну, ладно, больше не могу. Что мне делать?

— Прежде всего научись владеть собой, — на-

зидательно сказал дядя. — Иначе станешь таким, как тётя Летти. А теперь слушай.

Он встал, надел перчатки и подошел к подносу, на котором лежали кольца.

— Кольца действуют только в том случае, — начал он, — если коснутся кожи. Видишь, я беру их рукой в перчатке, и ничего не происходит. В кармане они безопасны, но коснись их случайно голой рукой — и ты исчезнешь. Там, в другом мире, случится то же самое, если тронешь зелёное кольцо. Оттуда ты исчезнешь, здесь появишься. Заметь, это всего лишь гипотеза, её предстоит проверить. Итак, я кладу тебе в карман два зелёных кольца, для неё и для тебя. В правый карман, не спутай. Зелёное — «З», правый — «П». Следовательно — «ЗП», как в слове «запонка» или «запас». Жёлтое бери сам. На твоём месте я бы надел его, а то ещё потеряешь.

Дигори потянулся к кольцу, но вдруг спросил:

— А как же мама? Она спросит, где я.

— Чем скорее ты исчезнешь, — бодро ответил дядя, — тем скорее вернёшься.

— А если не вернусь? — спросил Дигори. Дядя Эндрью пожал плечами, подошёл к двери, отпер её, распахнул и сказал:

— Что же, прекрасно. Дело твоё. Иди обедай.

Твоя подружка, не моя. Ну, съедят её звери, ну, утонет, ну, умрёт с голоду или просто останется там, если хочешь. Только уж, будь любезен, загляни до чая к миссис Пламмер и объясни, что дочку она не увидит, потому что ты испугался.

— Ах, был бы я взрослым! — сказал Дигори. — Вы бы у меня поплясали!

Потом застегнулся получше, глубоко вздохнул, взял кольцо и подумал — как думал в подобных случаях позже, — что другого выхода нет.

Глава третья
Лес-между-мирами

Дядя Эндрью и его кабинет немедленно исчезли. На минуту все смешалось; затем Дигори ощутил, что внизу, под ним, тьма, а сверху льётся

нежный зелёный свет. Сам он ни на чём не стоял, и не сидел, и не лежал; ничто не касалось его, и он подумал: «Наверное, я в воде… Нет, я под водой». Он испугался и тут же головой вперёд вырвался на мягкую траву, окаймлявшую маленький пруд.

Поднявшись на ноги, он не задыхался и не хватал воздух ртом, что странно, если ты только что был под водой. Одежда его была суха. Пруд — небольшой, словно лужа, метра в три — находился в лесной чаще. Деревья стояли почти рядом, и листьев на них было столько, что неба Дигори не видел. Сюда, вниз, падал только зелёный свет, но наверху, должно быть, сверкало солнце, ибо, и пройдя сквозь листву, свет оставался тёплым и радостным. Тишина тут стояла невообразимая — ни птиц, ни насекомых, ни зверьков, ни ветра, — и казалось, что ты слышишь, как растут деревья. Прудов было много — Дигори видел штук десять, не меньше; и деревья словно пили корнями воду. Несмотря на редкостную тишину, было ясно, что лес преисполнен жизни. Рассказывая о нём позднее, Дигори говорил: «Он был свежий, он просто дышал, ну… как пирог со сливами».

Удивительно, что, едва оглядевшись, Дигори забыл, почему он здесь. Во всяком случае, он не

думал ни о Полли, ни о дяде, ни даже о маме; он не боялся, не беспокоился, не испытывал любопытства. Если бы его спросили: «Откуда ты взялся?» — он сказал бы, наверное: «Я был здесь всегда». Так он и чувствовал — словно был здесь всегда и не скучал, хотя ничего не случалось. Позже, рассказывая об этом, он говорил: «Там нет никаких событий — деревья растут, и больше ничего».

Дигори долго стоял и смотрел, пока не увидел, что недалеко, на траве, лежит какая-то девочка. Глаза у неё были закрыты, но не совсем, словно бы она просыпалась. Он постоял ещё, глядя на неё; наконец она открыла глаза и стала смотреть на него. Потом проговорила сонным, довольным голосом:

— Кажется, я тебя где-то видела.

— И мне так кажется, — сказал Дигори. — Давно ты здесь?

— Всегда, — ответила девочка. — Ну… не знаю… очень давно.

— И я тоже, — сказал Дигори.

— Нет, нет, — сказала девочка. — Ты только что вылез из прудика.

— Да, правда, — удивленно проговорил Дигори. — Я и забыл.

Они довольно долго молчали.

— Знаешь, — сказала девочка, — наверное, мы правда виделись. Что-то я такое помню… что-то вижу… какое-то место. И мальчик с девочкой, совсем как мы… они где-то жили… что-то делали… Наверное, это сон.

— Я тоже видел сон, — сказал Дигори. — Про мальчика и девочку, которые жили в соседних домах… и полезли куда-то. У девочки было грязное лицо…

— Нет, ты напутал. Это у мальчика…

— Мальчика я не видел, — сказал Дигори и вскрикнул: — Ой, что это?

— Свинка, — отвечала девочка. И впрямь, в траве возилась морская свинка, перепоясанная ленточкой, к которой было привязано сверкающее жёлтое кольцо.

— Смотри! — закричал Дигори. — Смотри, кольцо! И у тебя такое… И у меня.

Девочка очнулась и приподнялась. Они напряжённо глядели друг на друга, пытаясь припомнить что-то, и закричали наконец в два голоса:

— Мистер Кеттерли!

— Дядя Эндрью!

Теперь они знали, кто они, и стали всё вспоминать, и скоро вспомнили. Дигори рассказал, какой плохой его дядя.

— Что же нам делать? — спросила Полли. — Взять свинку и вернуться домой?

— Куда нам спешить!.. — сказал Дигори, зевая во весь рот.

— Нет, спешить надо, — сказала Полли. — Здесь слишком спокойно… сонно, понимаешь… Если мы сдадимся, мы заснём и останемся тут навсегда.

— Здесь очень хорошо, — возразил Дигори.

— Да, — не сдалась Полли, — но домой вернуться надо. — Она встала на ноги и осторожно потянулась к свинке, но передумала.

— Лучше её не брать, — сказала она. — Кому-кому, а ей тут хорошо. Дома твой дядя станет её мучить.

— Ещё бы, — согласился Дигори. — Что он с

нами сделал, ты подумай! Кстати, а как вернуться домой?

— Нырнуть в этот пруд, — предложила Полли.

Они подошли к пруду, постояли, посмотрели на зелёную мирную воду, в которой отражались густые листья. Казалось, там и дна нет.

— Нам не в чем купаться, — сказала Полли.

— Глупости какие! — сказал Дигори. — Нырнём как есть, ты вспомни, мы ведь не промокли.

— Ты плавать умеешь? — спросила Полли.

— Немножко. А ты?

— М-м… совсем плохо.

— Да не надо нам плавать, — сказал Дигори. — Только нырнём, и само пойдет.

Нырять им не хотелось, но они не сказали об этом друг другу. Взявшись за руки, они отсчитали: «Раз, два, три — плюх!» — и прыгнули. Раздался всплеск. Они, конечно, зажмурились. Но, открыв глаза, увидели, что стоят в мелкой луже, как стояли. Пруд был неглубок, вода едва доходила до щиколоток. Они вышли на траву.

— В чём дело? — сказала Полли, испугавшись, но не слишком (испугаться в таком лесу невозможно).

— Знаю! — сказал Дигори. — Конечно, не получилось. На нас жёлтые кольца. Они переносят

сюда, понимаешь? А домой — зелёные! Давай поменяем. Карманы у тебя есть? Так, хорошо. Положи жёлтое в левый. Зелёные — у меня. Держи, одно тебе.

Надев на палец зелёные кольца, они снова пошли к пруду, но Дигори воскликнул:

— Стоп!

— Что такое? — спросила Полли.

— Мне пришла в голову мысль, — отвечал Дигори. — Очень хорошая. Куда ведут другие пруды?

— То есть как?

— Ну, к нам, в наш мир, мы вернулись бы через этот пруд. А через другие? Может, каждый ведёт в какой-нибудь мир?

— Я думала, мы уже в другом мире… Ты же сам говорил… и дядя Эндрью…

— Да ну его, дядю! Ни черта он не знает. Сам небось никуда не нырял. Ладно, ему кажется, что есть наш мир и второй, другой. А если их много?

— Значит, этот лесной — один из них?

— Нет, это вообще не мир, это… промежуточное место.

Полли не поняла, и он принялся объяснять ей:

— Нет, ты подумай! Наш проход — не комната, но из него можно попасть в комнаты. Он и не часть дома, но можно попасть в дома. Так и этот

лес. Он ни в каком мире, но из него можно попасть куда хочешь.

— Ну, даже если… — начала Полли, но Дигори продолжал, словно её и не слышал:

— Тогда всё ясно, — говорил он. — Поэтому тут так тихо, сонно. Здесь ничего не случается. Как там, у нас. Люди едят в домах, и разговаривают, и что-то делают. Между стенками, над потолками, в нашем проходе событий нет, но оттуда можно попасть в любой дом. Наверное, отсюда мы попадём в любой мир. Давай нырнём в другой пруд.

— Лес-между-мирами, — заворожённо проговорила Полли. — Какая красота!

— Куда же мы нырнём? — не отставал Дигори.

— Вот что, — сказала Полли, — никуда я нырять не буду, пока мы не узнаем, можно ли вообще вернуться.

— Ещё чего! — воскликнул Дигори. — Хочешь угодить прямо к дяде? Нет уж, спасибо.

— Нырнём немножко, не до конца, — настаивала Полли. — Только проверим! Если всё пойдет хорошо, сменим кольца и тут же вынырнем.

— А можно повернуть, когда ты там?

— Ну, не сразу же мы здесь очутились. Значит, время у нас будет.

Дигори поупирался ещё, но сдаться ему при-

шлось, ибо Полли наотрез отказалась нырять в другие миры, если они не поставят этого опыта. Она была такой же смелой, как он (например, не боялась осы), но не такой любопытной. Дигори же был из тех, кому надо знать всё, и стал впоследствии тем самым профессором Кёрком, который участвует в других наших хрониках.

Поспорив как следует, они решили надеть зелёные кольца («Тут они безопасные, — сказал Дигори, — помни: как зелёный свет»), взяться за руки и прыгнуть. Если им покажется, что они возвращаются к дяде или просто в свой мир, Полли крикнет: «Меняй», и они наденут жёлтые. Кричать «меняй» хотел Дигори, но Полли не согласилась.

Они надели кольца, взялись за руки и снова крикнули: «Раз, два, три — плюх!» Теперь получилось. Трудно описать, что они чувствовали, очень уж всё было быстро. Сперва по чёрному небу пронеслись какие-то яркие огни; Дигори до сих пор считает, что это были звёзды, и клянётся, что видел Юпитер совсем близко, даже разглядел его луны. Но тут же показались крыши и трубы и купол св. Павла — словом, Лондон. Как ни странно, стены были прозрачные. Дети увидели дядю Эндрью, сперва расплывчато, потом — всё

чётче, словно он попал в фокус. Прежде чем он совсем определился, Полли крикнула: «Меняй», и они поменяли кольца, и мир наш исчез как сон, и зелёный свет появился снова, и сгустился, и, наконец, дети высунули головы из пруда. Они выбрались на берег, вокруг был лес, такой же свежий и тихий. Заняло это всё меньше минуты.

— Ну вот! — сказал Дигори. — Действует. Какой выберем пруд?

— Постой, — сказала Полли, — давай отметим сперва этот, наш.

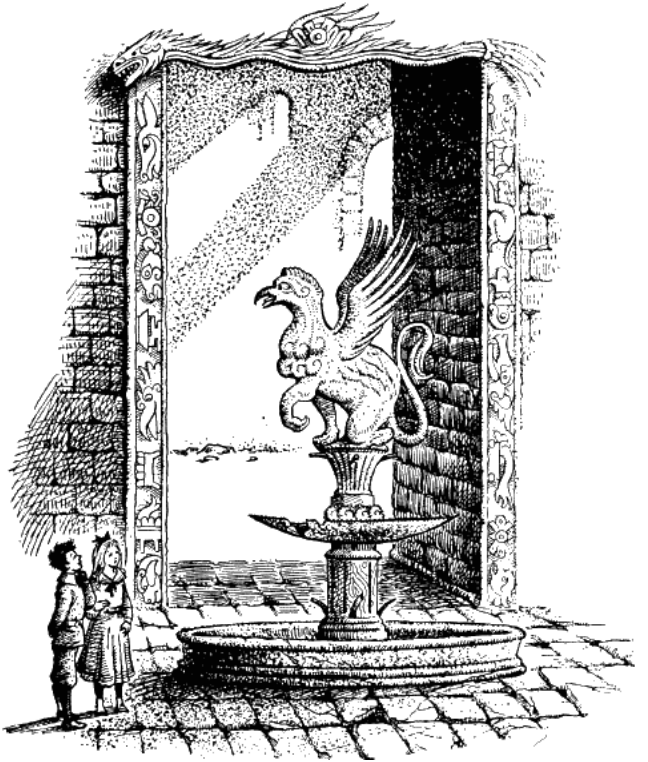
Они посмотрели друг на друга и побледнели, уразумев, какая им только что грозила опасность. Прудов было много, все одинаковые, и деревья одинаковые — словом, если пруд не отметить, один шанс на сто, что его потом найдёшь.

Дигори открыл дрожащей рукой перочинный ножик и вырезал у пруда полоску дёрна. Земля приятно пахла: она была яркая, густо-бурая, с красноватым оттенком — очень красиво рядом с зеленью. Полли тем временем сказала:

— Хорошо, хоть кто-то из нас соображает…

— Ладно, не заводись, — отвечал Дигори. — Идём посмотрим другие пруды.

И Полли что-то ответила ему, и он ответил ей, ещё похлеще, и они препирались минут десять, но читать об этом было бы скучно. Лучше поглядим, как они стоят у другого пруда, держась за руки, и отсчитывают: «Раз, два, три…»



«Плюх!» Опять ничего не вышло. Видно, это был просто пруд. В другой мир они не попали, только намочили ноги во второй раз за это утро (если было утро — в Лесу-между-мирами всегда

одинаково).

— Тьфу! — воскликнул Дигори. — В чём дело? Жёлтые кольца — вот они. Он же говорил, надо жёлтые, чтобы попасть в другой мир.

А дело было в том, что дядя Эндрью ничего не знал о промежуточном месте и потому напутал с кольцами. То, из чего они сделаны, было отсюда, из леса. Жёлтые кольца переносили в лес, их тянуло домой. Зелёные тянуло из дому, они и переносили в другие миры. Понимаете, многие чародеи сами не ведают, что творят; так и дядя Эндрью. Конечно, Дигори не знал всего этого да и позже толком не понял. Но, обсудив всё получше, дети решили надеть зелёные кольца и посмотреть, что выйдет.

— Ну, давай, — сказала Полли, в глубине души не сомневаясь, что никакие кольца ничего не изменят у нового пруда и бояться нечего, разве что водой обрызгает. Я не совсем уверен, что Дигори думал иначе. Во всяком случае, они надели зелёные кольца, и стали у воды, и взялись за руки гораздо бодрее, совсем не так торжественно, как в первый раз.

Дигори отсчитал до трёх, крикнул «плюх», и они прыгнули.

Глава четвёртая
Молот и колокол

Без всяких сомнений, на сей раз колдовство сработало. Они пролетели сквозь воду, сквозь тьму и увидели непонятные очертания предметов. Стало совсем светло. Ноги их ощутили какую-то твёрдую поверхность. Потом всё стало в фокус, они смогли оглядеться, и Дигори воскликнул:

— Ну и местечко!

— Очень противное, — сказала Полли и вздрогнула.

Прежде всего они заметили, что здешний свет не похож ни на солнечный, ни на газовый, ни на

свет свечей, вообще ни на что. Он был тусклый, невесёлый, багряно-бурый, очень ровный. Стояли дети на мостовой среди каких-то зданий, может быть, на мощёном дворе. Небо над ними было тёмно-синим, почти чёрным, и они не понимали, откуда идёт свет.

— То ли гроза сейчас будет, то ли затмение, — сказал Дигори. — Какая странная погода!

— Очень противная, — сказала Полли. Говорили они почему-то шепотом и все ещё держались за руки.

Стены вокруг них были высокие, а в стенах зияло множество незастеклённых окон, чёрных, словно дыры. Пониже, будто входы в туннель, чернели арки. Было довольно холодно. Камень арок и стен был красновато-бурый — может, из-за странного света — и очень, очень старый; плоский камень мостовой был испещрён трещинами. В одной из арок чуть не до половины громоздился мусор. Дети медленно оглядывались, страшась увидеть кого-нибудь в проёме окна.

— Как ты думаешь, живёт тут кто? — шёпотом спросил Дигори.

— Нет, — сказала Полли. — Это… ну, это… руины. Слышишь, как тихо.

— Послушаем ещё, — предложил Дигори.

Они послушали и услышали только биение собственных сердец. Тихо тут было, как в лесу, но совсем иначе. Тишина в лесу была добрая, приветливая, казалось, что сейчас услышишь, как растут деревья, а здесь — пустая, злая, холодная. Нельзя было и представить себе, чтобы тут что-нибудь росло.

— Идём домой, — сказала Полли.

— Да мы ничего не видели, — сказал Дигори. — Давай хоть оглядимся.

— Нечего тут смотреть.

— А зачем волшебные кольца, если боишься смотреть другие миры?

— Это кто боится? — Полли выпустила его руку.

— Да ты вот, смотреть не хочешь…

— Куда ты пойдёшь, туда и я.

— А не понравится — исчезнем, — сказал Дигори. — Давай снимем зелёные кольца и положим их в правый карман. Только помни, жёлтые в левом. Держи руку поближе к карману, но в карман не лезь, а то вдруг тронешь — и всё!

Они переложили кольца и направились к одной из арок. Вела она в дом, и они увидели с порога, что там не особенно темно. Войдя в большую, вроде бы пустую залу, они различили в

другом её конце соединённые арками колонны; за ними мерцал всё тот же усталый свет. Они вышли в другой двор, побольше. Стены там, совсем обветшалые, еле держались.

— Очень уж они ветхие, — сказала Полли, показывая на то место, где стена так накренилась, словно вот-вот свалится во двор. Между двумя арками не хватало ещё одной колонны, там камень едва не падал, его ничто не держало. Здесь явно не было никого сотни, а то и тысячи лет.

— Если стояли до сих пор, — сказал Дигори, — значит, не упадут. Главное, ступать тихо, а то от звука и свалятся, знаешь, как лавина в горах.

Они взобрались по большим ступеням и прошли анфиладу комнат, таких огромных, что просто голова кружилась. Им то и дело казалось, что они выйдут на воздух и увидят, что за земли окружают невиданный замок, но всякий раз они оказывались ещё в одном дворе. Наверное, тут было очень красиво, когда здесь жили люди.

Так шли они из двора во двор и только в одном из них увидели фонтан; но из пасти какого-то чудовища вода не текла, и в самом водоёме она давно высохла. Растения на стенах тоже высохли, и живых тварей не было — ни пауков, ни букашек, никого и ничего, даже травы или мха.

Всё было так тоскливо и так одинаково, что Дигори собрался было надеть жёлтое кольцо и вернуться в уютный, зелёный, живой лес, когда перед ними предстали две высокие, может быть, золотые двери. Одна была приоткрыта. Конечно, дети заглянули в неё и замерли, разинув рты. Наконец они увидели то, что увидеть стоит.

Сперва им показалось, что в зале полно народу, просто сотни людей, но все тихо сидят вдоль стен. Конечно, и сами они стояли тихо и решили наконец, что у стен сидят не люди. Живой человек хоть раз бы пошевельнулся. Нет, это были, наверное, очень искусно сделанные восковые фигуры.

Теперь любопытство овладело Полли, ибо фигуры эти были одеты в поразительные наряды. Если наряды и вас интересуют, вы бы тоже подошли поближе. Они были такие яркие, что комната казалась не то что весёлой, но хотя бы роскошной, что ли, после тех, пыльных и пустых. Да и окон здесь было больше, и света. Что до нарядов, описать я их толком не могу; скажу лишь, что на голове у каждой фигуры сверкала корона, одежды же были самых разных цветов — алые, серебристые, густо-лиловые, ярко-зелёные, расшитые странными цветами и причудливыми зверями. И на коронах, и на одеждах сверкали драгоценные

камни, сверкали и ожерелья; алмазы, рубины, изумруды выглядывали откуда только можно.

— Почему это платья не истлели? — спросила Полли.

— Заколдованы, — сказал Дигори. — Разве ты не чувствуешь? Тут всё заколдовано, я сразу понял.

— И какие дорогие… — сказала Полли.

Но Дигори больше интересовали сами фигуры, сами люди — и не зря. Сидели они на каменных тронах, у стен, посередине было пусто; каждый мог обойти и пристально осмотреть всех.

— Какие хорошие… — сказал Дигори.

Полли кивнула. И впрямь лица были очень приятные, словно эти мужчины и женщины не только красивы, но и добры; быть может, они принадлежали к какой-то лучшей, прекрасной расе. Однако пройдя несколько шагов, дети заметили, что лица чем дальше, тем надменнее и важнее. К середине ряда они были и сильными, и гордыми, и даже счастливыми, но какими-то злыми, потом — просто жестокими, а ещё дальше — к тому же и безрадостными, словно обладатели их сделали или испытали что-то страшное. Самая последняя — дама удивительной красоты, в невиданно богатых одеждах — глядела так злобно и так гордо, что просто дух захватывало.

Она была на удивление огромна (хотя и все они были высокие). Много позже, в старости, Дигори говорил, что никогда не видел такой красивой женщины. Правда, подруга его прибавляла, что никак не поймёт, в чем эта красота.

Дама, как я уже сказал, сидела последней, но и за ней стояли пустые кресла, словно ждали кого-то.

— Что бы всё это значило? — сказал Дигори. —

Смотри, посередине стол, а на нём что-то лежит.

Собственно, это был не стол, а широкая, низкая колонна. На ней лежал золотой молоточек и стояла золотая дужка, с которой свисал небольшой золотой колокол.

— Вот удивительно! — сказал Дигори.

— Тут что-то написано, — сказала Полли, наклонившись и вглядываясь.

— И правда, — сказал Дигори. — Но мы всё равно не поймём.

— Почему? — сказала Полли. — Поймём, наверное.

Конечно, письмена были странные, но, как это ни удивительно, они становились все понятней. Буквы не изменялись, а понятней делались. Если бы Дигори вспомнил собственные слова, он бы понял, что и здесь действует колдовство. Но он не помнил ничего, его снедало любопытство, он просто выдержать не мог — и скоро оба они узнали что хотели. На каменной колонне было написано примерно так (когда дети читали их в той комнате, строчки звучали как стихи):

Выбирай, чужеземец:
если ты позвонишь в колокол —
не пеняй на то, что случится,

если не позвонишь – терзайся
всю жизнь.

— Не стану я звонить! — сказала Полли.

— Что ж, так и терзаться всю жизнь? — сказал Дигори. — Нет уж, спасибо! Теперь ничего не поделаешь. Сиди, значит, дома и гадай, что было бы. Так и с ума сойдёшь!

— Какой ты глупый! — сказала Полли. — Зачем же терзаться? Нам и не важно, что бы случилось.

— Это же колдовство! — воскликнул Дигори. — Заколдуют, и будешь терзаться. Я уже терзаюсь, оно действует.

— А я нет, — довольно резко ответила Полли. — И тебе не верю. Ты притворяешься.

— Конечно, ты же девчонка, — сказал Дигори. — Девочкам ничего не интересно, кроме сплетен и всякой чепухи, кто в кого влюбился.

— Сейчас ты очень похож на своего дядю, — сказала Полли.

— При чём тут дядя? — сказал Дигори. — Мы говорили, что…

— Как это по-мужски! — сказала Полли взрослым голосом и быстро прибавила: — А ты не отвечай «как это по-женски», не обезьянничай!

— Буду я называть женщиной такую маляв-

ку! — сказал Дигори.

— Это я малявка? — закричала Полли, рассердившись по-настоящему. — Что ж, не стану тебе мешать. С меня хватит. Очень гадкое место, а ты — воображала и свинья!

— Стой! — закричал Дигори куда противнее, чем хотел бы, ибо увидел, что Полли вот-вот сунет руку в карман, где лежит жёлтое кольцо. Оправдать его я не могу, могу только сказать, что потом он очень жалел о том, что сделал (жалели об этом и многие другие). Он крепко схватил Полли за руку, отодвинул локтём другую её руку, дотянулся до молотка и легко ударил в колокол. После этого он выпустил её, и они уставились друг на друга, не говоря ни слова и тяжело дыша. Полли собралась заплакать, не от страха и не от боли (Дигори чуть не сломал ей руку), а от злости, но не успела. Ровно через две секунды оба они забыли о своих ссорах — и вот почему.

Звон был очень нежный и не очень громкий; однако он не прекращался и становился всё громче, и вскоре дети уже не могли говорить, они не услышали бы друг друга. Но они говорить не собирались, а стояли, разинув рот. Когда звон стал таким, что они не могли бы и кричать, сама мелодичность его уже казалась жуткой. И воздух

в зале, и каменный пол под ногами дрожали крупной дрожью. Тут послышался и другой звук, словно откуда-то шёл поезд, и третий, словно упало дерево. Наконец, большие куски стены и четверть потолка рухнули с грохотом — то ли по колдовству, то ли потому, что именно этой ноты каменная кладка выдержать не могла. Стены пошатнулись, и колокол умолк. Облака пыли рассеялись. Стало тихо.

— Ну, доволен теперь? — проговорила Полли.

— Спасибо, хоть кончилось, — сказал Дигори.

Но ошибся.

Глава пятая
Страшное слово

Дети смотрели друг на друга поверх невысокой

колонны, а колокол ещё подрагивал, хотя и не звенел. Вдруг в дальнем углу что-то зашумело. Они быстро обернулись и увидели, что одна из фигур, самая последняя, поднимается с места (как вы поняли, именно та, кого Дигори счел красивой). Когда она встала, дети увидели, что она невиданно высока. Не только одежды и корона — сверкание глаз, изгиб губ говорили о том, что это великая властительница. Медленно оглядев залу, она увидела обломки, заметила детей, но удивления не выказала и быстро, большими шагами подошла к пришельцам.

— Кто разбудил меня? Кто разрушил чары? — спросила она.

— Кажется, я, — ответил Дигори.

— Ты! — сказала королева и положила ему на плечо белую красивую руку, сильную, как клещи. — Ты? Да ты же простой мальчик! Сразу видно, что в тебе нет королевской крови. Как ты посмел сюда войти?

— Мы из другого мира, — сказала Полли, — и попали к вам по волшебству. — Ей казалось, что королеве пора заметить и её.

— Правда это? — спросила королева, не удостоив Полли взглядом и явно обращаясь к Дигори.

— Да, — отвечал он.

Королева взяла его за подбородок, откинула его голову и долго глядела ему в лицо. Дигори попробовал смотреть на неё, но потупился. Наконец она отпустила его и сказала:

— Ты не волшебник. Знака чародеев на твоём лице нет. Наверное, ты слуга какого-нибудь чародея. Колдовал он, а не ты.

— Колдовал мой дядя, — ответил Дигори. Неподалёку что-то затрещало, загрохотало, обвалилось, и пол снова дрогнул.

— Тут оставаться нельзя, — совершенно спокойно сказала королева. — Дворец скоро рухнет. Идёмте. — И протянула одну руку Дигори, другую Полли. Та не хотела идти с ней за руку, но ничего сделать не могла. Говорила королева спокойно, двигалась — быстро, и не успела Полли опомниться, очень большая и сильная рука держала её левую руку.

«Какая она противная, — подумала Полли. — И сильная какая, может руку сломать. И ведь левую держит, теперь я не достану жёлтое кольцо. Правую руку в левый карман незаметно не сунешь. Главное, чтобы она про кольца не узнала. Хоть бы Дигори не выдал! Ах, жаль, нельзя с ним поговорить!»

Королева повела их в длинный проход, а оттуда

— в настоящий лабиринт залов, лестниц и двориков. Где-то рушились куски потолка или стен, и одна арка упала сразу после того, как они под ней прошли. Приходилось бежать рысцой, хотя сама королева лишь крупно шагала в полнейшем спокойствии. «Какая она смелая! — думал Дигори. — И сильная какая. Поистине — королева! Надеюсь, она расскажет, где мы».

Пока они шли, королева и впрямь кое-что объяснила:

— Вот эта дверь — в подземелье, — говорила она. — А по этому проходу водили на пытку. Тут — пиршественная зала, где мой прадед перебил семьсот вельмож прежде, чем они приступили к ужину. У них были мятежные мысли.

Наконец они дошли до особенно просторной залы, и Дигори подумал, что это, как сказали бы мы, вестибюль. И точно, в другом её конце были высокие двери то ли из чёрного дерева, то ли

из чёрного металла, в нашем мире такого нет. Засовы на них располагались слишком высоко даже для королевы, и Дигори подумал, как же выйти, но она отпустила его, подняла руку и, выпрямившись особенно гордо, что-то проговорила (звучало это жутко). Двери дрогнули, словно шёлковые гардины, и обрушились с диким грохотом. На пороге осталась кучка пыли. Дигори присвистнул.

— Так ли могуч твой учитель и хозяин? — спросила королева и снова сжала его руку. — Ну, это я узнаю. А ты запомни: вот что я делаю с теми, кто стоит у меня на пути.

Яркий свет и холодный воздух хлынули им в лицо (именно воздух, не ветер). Дети стояли на высокой террасе, с которой открывался удивительный вид.

Да и небо над ними было необычным; солнце светило тускло, стояло слишком низко, оно было очень большое и вроде бы старше нашего, словно устало смотреть на мир и вот-вот умрёт. Слева, повыше, светила большая звезда, так что нельзя было понять, ночь это или день.

— Гляди на то, чего никто не увидит, — сказала королева. — Таким был Чарн, великий город, столица властелинов, чудо света, быть может — чудо

всех миров. Есть такие владения у твоего дяди?

— Нет, — сказал Дигори, но ничего объяснить не успел, ибо королева продолжала:

— Теперь здесь царит молчание. Но я глядела на город, когда он был полон жизни. И сразу, в единый миг, по слову одной женщины, он умер.

— Кто эта женщина? — несмело спросил Дигори, и без того зная ответ.

— Я, — ответила королева. — Я, последняя владычица мира, королева Джадис.

Дети молча стояли рядом с ней и дрожали от холода.

— Виновата моя сестра, — говорила королева. — Она довела меня, будь она проклята вовеки! Я хотела её пощадить, но она не сдавалась. Всё её гордыня! Мы спорили о праве на власть, но обещали друг другу не пускать в ход колдовство. Когда же она попыталась навести на меня чары, она всё предрешила. Как будто она не знала, что в этом я сильнее! Как будто думала, что я не воспользуюсь словом. Она всегда была слабой и глупой.

— Словом? — спросил Дигори. — Каким?

— Это тайна тайн. Прежние властелины были слишком мягки и глупы, чтобы её использовать, но я…

«Нет, какая гадина!» — подумала Полли.

— А как же люди? — спросил Дигори.

— Какие люди? — не поняла королева.

— Простые, которые здесь жили, — сказала Полли. — Они же вам ничего не сделали!

— Что за чушь! — сказала королева, не оборачиваясь к ней. — Я королева. Они мои подданные.

— Не повезло им, однако, — тихо сказал Дигори.

— Я забыла, ты и сам из таких. Тебе не понять государственных интересов. Запомни: то, что нельзя тебе, можно мне, ибо я — великая владычица. На моих плечах — судьба страны. Наш удел высок, мы одиноки.

Дигори вспомнил, что дядя произнёс те же самые слова; правда, сейчас они звучали убедительней — должно быть, потому, что старик не был так красив и величав.

— Что же вы сделали? — спросил Дигори.

— Я всех заколдовала. Ты видел, мои предки погружали в сон самих себя, когда уставали править; и я, заколдовав всех, присоединилась к ним, чтобы спать, пока кто-нибудь не позвонит в колокол. Скажи, твой мир хоть немного повеселее?

— По-моему, он гораздо лучше! — сказал Дигори.

— Что же, — промолвила королева. — Идём туда!

Дети в ужасе переглянулись. Полли сразу невзлюбила её, Дигори же понял теперь, что при всей её красоте на Землю её лучше не брать. Он покраснел и пробормотал:

— Собственно, там… нет ничего интересного… Вам будет очень скучно… Смотреть не на что, знаете…

— Ничего, — сказала королева, — скоро там будет на что посмотреть.

— Нет, нет, — поспешно заверил Дигори. — Вам не разрешат у нас колдовать!

Королева презрительно усмехнулась.

— Глупый детёныш! — сказала она. — Твой мир будет ползать у меня в ногах. Говори свои заклинания, и поскорей!

— Какой ужас! — шепнул Дигори растерянной Полли.

— Неужели ты боишься за своего дядю? — спросила королева. — Если он выкажет мне должное почтение, я сохраню ему жизнь и власть. Я не собираюсь бороться с ним. Наверное, он великий чародей, если сумел послать тебя сюда. Он — король твоего мира?

— Нет, что вы! — сказал Дигори.

— Ты лжёшь, — сказала королева. — Все чародеи — короли. Разве может презренный люд овладеть тайнами? Хорошо, молчи, я и так всё знаю. Дядя твой — великий властитель и чародей вашего мира. Пользуясь своими чарами, он увидел в зеркале или в пруду отблеск моего лица и, пленённый моей красотой, создал магическое средство. Оно едва не погубило ваш мир, но ты попал сюда, преодолев пространства между мирами, чтобы умолить меня и отвести к нему. Отвечай, угадала я?

— Н-не совсем… — сказал Дигори, а Полли крикнула:

— Совсем не угадали! Какая чепуха, честное слово!

— Это ещё что? — спросила королева и ловко схватила Полли за волосы на самом затылке, где больнее всего. При этом, конечно, она выпустила её руку. Крикнув друг другу: «Быстрей!» — дети схватили свои кольца. Надеть их не пришлось — зачарованный мир сразу исчез, откуда-то сверху забрезжил мягкий зелёный свет.

Глава шестая
О том, как начались несчастья дяди Эндрью

— Пустите! Пустите! — крикнула Полли.

— Я тебя и не трогаю! — сказал Дигори, уди-

вившись, что она обращается к нему на «вы». И головы их вынырнули из пруда в светлую тишь леса. После страшной и дряхлой страны, из которой они спаслись, он казался ещё более радостным и мирным. Если бы они могли, они бы снова забыли, кто они, и погрузились в сладостный полусон, слушая, как растут деревья, но им мешало немаловажное обстоятельство: выбравшись на траву, они обнаружили, что королева, или колдунья (зовите её, как хотите), уцепилась за волосы Полли. Потому несчастная девочка и кричала: «Пустите!»

Дядя Эндрью не сказал им и не знал, что кольцо совсем не нужно надевать, можно даже его не трогать, а просто коснуться того, кто его надел. Получается вроде магнита: одно кольцо вытащит всё остальное, как намагниченная булавка — мелкие предметы.

Теперь, в Лесу-между-мирами, королева изменилась — она стала бледнее, настолько бледнее, что красота её поблекла. Дышала она с трудом, словно здешний воздух был ей противопоказан. Дети почти совсем не боялись её.

— Отпустите мои волосы! — сказала Полли. — Что вам нужно?

— Да, пустите её! — поддержал Дигори. — И

немедленно!

Вдвоем они были сильнее, чем она (во всяком случае, здесь), и им удалось вырвать волосы из её рук. Она отпрянула, задыхаясь; глаза её горели злобным страхом.

— Быстро! — сказала Полли. — Меняй кольцо и ныряй!

— Помогите! — закричала колдунья, но голос её был слаб. — Пощадите меня! Возьмите с собой! Не оставляйте в этом страшном месте! Я тут умру.

— Рады бы, — важно сказала Полли, — но государственные интересы не позволяют… Как у вас, когда вы убили тех людей. Быстрее, Дигори!

И они переменили кольца; но тут Дигори сказал:

— Ах ты, господи! Что же мы делаем? — Волей-неволей, а он немножко жалел королеву.

— Не дури, — отвечала Полли. — Честное слово, она притворяется. Скорей!

И они ступили в пруд, ведущий домой («Хорошо, что мы его пометили», — подумала Полли), но Дигори почувствовал, что к уху его прикоснулось что-то холодное. Когда очертания нашего мира уже выплывали из мглы, он понял, что его держат за ухо двумя пальцами, и стал вырываться, брыкаться, но тщетно — по-видимому, колдунья

вновь обрела свою силу. Наконец перед ними возник дядин кабинет и сам дядя, взирающий в изумлении на невиданное существо, которое Дигори доставил из другого мира.

Понять его можно. Королева вполне оправилась, и здесь, среди обычных земных вещей, вид её был поистине страшен. Дети тоже не могли оторвать от пришелицы глаз. Прежде всего поражал её рост — до сих пор дети не понимали, как она огромна. «Вроде бы и не человек», — подумал Дигори и был прав, ибо в жилах властителей Чарна течёт и кровь великанов. Ещё сильнее поражали её красота, её гордыня и дикая ярость. Дядя кланялся, егозил, почти плясал перед ней, он казался совсем ничтожным — однако Полли заметила, что они чем-то похожи. Похожи они были именно тем, чего не нашла королева в лице Дигори. Хоть одно хорошо: теперь дети не боялись дядю Эндрью, как не испугается червя тот, кто видел змею, коровы — тот, кто видел бешеного быка.

«Тоже мне чародей! — подумал Дигори. — Вот она — это я понимаю».

Дядя все кланялся, угодливо потирая руки. Он хотел бы сказать что-нибудь учтивое, но не мог, во рту пересохло. Опыт оказался успешнее, чем

ему хотелось; всё же дядя не ждал опасностей для *себя.* Столько лет колдовал, стольким вредил, но такого с ним не бывало.

Наконец колдунья заговорила негромко, но так, что задрожали стены:

— Какой чародей привёл меня в этот мир?

— Э… э… хм… мэм, — пролепетал дядя, — чрезвычайно польщён… премного обязан… почитаю за честь… э… э… э…

— Где чародей? — крикнула королева. — Отвечай, шут!

— Э… э… это я, мэ-э-эм, — отвечал дядя. — Надеюсь, вы простите этих мерзких детей. Поверьте, я ни сном ни духом…

— Ты — чародей? — переспросила королева, сделала один огромный шаг, схватила старика за седые лохмы и откинула назад его голову. Лицо его она изучала долго, как лицо Дигори. Дядя моргал и нервно облизывал губы. Когда, насмотревшись, она отпустила его, он стукнулся спиной о стену.

— Так, — сказала она. — Чародей… своего рода. Стой прямо, пес! Помни, перед кем стоишь. Кто научил тебя колдовству? Королевской крови в тебе нет.

— Э… а… не то чтобы королевской… — забормотал дядя. — Но мы, Кеттерли, древнего рода… старый, знаете ли, род… из Дорсетшира…

— Хватит! — сказала колдунья. — Я знаю, кто

ты. Ты мелкий колдун-недоучка, и колдуешь ты по книгам. В сердце твоём и в крови нет колдовского дара. Там, у себя, я управилась с такими тысячу лет назад. Здесь — разрешу тебе служить мне.

— Пре-премного обязан… очень рад… верьте совести, — лепетал дядя.

— Хватит! Много болтаешь. Вот тебе первая служба. Вижу, тут большой город. Немедля раздобудь колесницу, или ковёр-самолёт, или объезженного дракона — словом, то, что годится для ваших королей и вельмож. Потом доставь меня туда, где я найду рабов, драгоценности и одежды, приличествующие моему сану. Завтра начну завоёвывать ваш мир.

— Я-я-э-а… закажу сейчас кеб, — выговорил дядя.

— Стой, — приказала колдунья, когда он направился к двери. — Не вздумай предать меня. Я вижу сквозь стены и сквозь череп. Если ты мне изменишь, я наведу такие чары, что, где бы ты ни присел, ты сядешь на раскалённое железо, где бы ты ни стал, ты станешь на лёд. Ступай!

Дядя вышел. Он был очень похож на поджавшую хвост собаку.

Дети боялись, что королева обратит свой гнев

на них, но она, по-видимому, забыла, что случилось в лесу. Я думаю (и Дигори тоже думает), что ум её просто не мог ни вместить, ни удержать такого мирного места, и, сколько вы её туда ни берите, как долго ни держите, она ничего о нём знать не будет. Сейчас она детей не замечала. Смотрите: там, у себя, она совсем не замечала Полли, потому что пользы ждала лишь от Дигори. Теперь, когда служил ей дядя Эндрью, она не замечала и мальчика. Должно быть, все колдуны такие. Им интересны только те, кого можно использовать; они очень практичны. Итак, в комнате царило молчание, но королева сердито постукивала об пол ногой. Наконец она сказала как бы про себя:

— Что он там делает, старый дурень? Ах, кнут не захватила! — И кинулась из комнаты, не глядя на детей.

— Ой! — радостно выдохнула Полли. — Ну, я пошла, очень поздно. Может, я ещё загляну.

— Да, да, приходи скорее, — сказал Дигори. — Какой ужас, когда она тут! Надо что-то придумать.

— Пускай твой дядя думает, — сказала Полли. — Он же всё затеял.

— Только ты приходи, а? — настаивал Дигори. — Не бросай меня, я сам не выкручусь!

— Я пойду сейчас по туннелю, — сказала Полли довольно холодно. — Так быстрее. А если ты хочешь, чтобы я вернулась, попроси прощения.

— Это как же? — удивился Дигори. — Только свяжись с девчонками… Да что я сделал?

— Ничего, — ехидно сказала Полли. — Так, чепуха, руки мне вывернул, как разбойник… и позвонил в этот колокол, как идиот… и в лесу дал ей себя схватить, когда мы ещё в пруд не прыгнули… а так — ничего!

— Вон что! — ещё сильней удивился Дигори. — Ладно, я виноват. Вообще-то, я правда жалею, что позвонил в этот колокол. Слышишь, я попросил прощения. Значит, ты приходи, не бросай меня. Хорош я буду, если ты не придёшь.

— А тебе-то что? Это же мистеру Кеттерли сидеть на железе и стоять на льду.

— Да не в том дело! — сказал Дигори. — Мама, вот что важно. Представь себе, что *эта* к ней ворвётся! Насмерть перепугает…

— Правда, правда! — совсем иначе сказала Полли. — Ну, хорошо. Мир, мир навсегда, и так далее. Я приду… если смогу. А сейчас мне пора.

И она нырнула в проход, который казался теперь не загадочным, а самым что ни на есть будничным.

Мы же с вами вернёмся к дяде Эндрью.

Когда он шёл вниз с чердака, сердце у него билось как сумасшедшее и он отирал лицо платком. Войдя к себе в спальню, он заперся на ключ и прежде всего полез в комод, где прятал от тёти Летти бутылку и бокал. Выпив какого-то неприятного, взрослого зелья, он перевёл дух.

— Нет, чёрт знает что! — повторял он про себя. — Какой кошмар! Я просто разбит! Это в мои-то годы!

Потом он налил ещё и выпил снова и лишь тогда стал переодеваться.

Вы не видели таких одежд, а я их помню. Дядя надел высокий, твердый, сверкающий воротни-

чок, в котором и головы не опустишь; он надел белый жилет в цветных узорах и выпустил из кармашка золотую цепочку. Он надел свой лучший фрак, который носил только на свадьбы и на похороны. Он вынул и почистил свой лучший цилиндр. На комоде стояли цветы (их ставила тетя), и он сунул один в петлицу. В кармашек, расположенный повыше того, с цепочкой, он положил носовой платок (теперь таких не купишь), покапав на него сначала мужскими духами. Он взял монокль с чёрной лентой, вставил в глаз и подошёл к зеркалу.

У детей, как вы знаете, одна глупость, у взрослых — другая. Дядя Эндрью был глуп в самом взрослом духе. Теперь, когда колдуньи рядом не было, он помнил не о её грозном виде, а о её красоте. «Да, скажу я вам, — думал он. — Всем женщинам женщина! Перл природы!» Кроме того, он как-то забыл, что привели её дети, и очень гордился, что колдовством выманил такую красавицу.

— Эндрью, — сказал он своему отражению, — для своих лет ты совсем… э-э… Прекрасная внешность… Породистая…

Понимаете, он возомнил по глупости, что колдунья влюбится в него. Зелье на него повлияло

или одежда, но он охорашивался всё больше. Он был тщеславен, как павлин, потому и стал чародеем.

Наконец он отпер дверь, послал служанку за кебом (тогда у всех была масса слуг) и пошёл в гостиную. Там, как и следовало ожидать, была тётя Летти. Она чинила матрас у самого окна.

— Понимаешь, Летиция, душа моя, — беззаботно начал он, — мне надо выйти. Одолжи-ка мне фунтиков пять, будь добра.

— Нет, Эндрью, милый мой друг, — отвечала тётя, глядя на матрас. — Я тебе много раз говорила, что денег не дам.

— Не будь такой мелочной, душенька, — сказал дядя. — Это очень важно. Без них я окажусь в глупейшем положении.

— Эндрью, мой дорогой, — сказала тётя, глядя ему в глаза, — как тебе не стыдно просить у меня денег?

За словами этими таилась скучная взрослая история. Впрочем, сообщим, что дядя «вёл дела дорогой Летти», сам не работал, тратил очень много на бренди и сигары и добился того, что она стала много беднее, чем тридцать лет назад.

— Душенька, — сказал дядя, — пойми, у меня непредвиденные расходы. Будь человеком… Мне надо принять одно… э… лицо…

— Это кого же? — спросила тётя.

— Очень важную гостью. Она, понимаешь ли, появилась… э… неожиданно…

— Что ты мелешь! — воскликнула тетя. — Никто не звонил в дверь.

Тут дверь распахнулась, и тётя не без удивления

увидела огромную женщину в роскошных одеждах без рукавов. Глаза у великанши сверкали.

Глава седьмая
О том, что случилось перед домом

— Сколько мне ждать колесницу, раб? — прогрохотала колдунья. Дядя Эндрью сжался. Теперь, при ней, он немедленно забыл, что думал перед зеркалом. Но тётя Летти поднялась (она чинила матрас, стоя на коленях) и вышла на середину комнаты.

— Разреши осведомиться, Эндрью, — холодно спросила она, — кто эта особа?

— Знат-т-т-тная ин-н-ностранка, — как мог, отвечал он. — Исключ-ч-чительно…

— Какой вздор! — сказала тётя и обернулась к колдунье. — Вон из моего дома, бесстыжая тварь! — произнесла она погромче. — Не то я вызову полицию.

Колдунью она приняла за циркачку, голых рук — не любила.

— Кто это тварь? — спросила королева. — На колени, несчастная, не то я сотру тебя в порошок!

— Прошу обходиться в моем доме без таких выражений, — сказала тётя.

Королева стала ещё выше (или дяде Эндрью показалось). Глаза её горели. Она подняла руку, как тогда, в своём королевстве, и произнесла *слово* — но ничего не случилось, только тётя брезгливо заметила:

— Так… Она ещё и пьяна… Язык не слушается.

Наверное, колдунье стало очень страшно, когда она поняла, что в нашем мире заклятье не действует. Но она этого не показала. Нет, она кинулась вперёд, схватила тётю буквально за шкирку (должно быть, за какую-нибудь отделку на платье), подняла как можно выше и швырнула, словно куклу. Пока тётя летела, служанка (которой выпало на редкость интересное утро) заглянула в дверь и сказала: «Простите, сэр, карета приехала».

— Веди меня, раб, — сказала колдунья. Дядя залепетал было: «Вынужден протестовать… да… весьма прискорбно…», но, взглянув на королеву, мгновенно онемел и затрусил вслед за нею. Дигори сбежал сверху как раз тогда, когда хлопнула входная дверь.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь она бегает по Лондону. Да ещё с дядей. Что они натворят?

— Ой! — сказала служанка (которой выпало такое дивное утро). — Ой, мистер Дигори, мисс Кеттерли ушиблась!

И они побежали к тёте.

Если бы тётя упала на пол или даже на ковер, она бы, мне кажется, переломала все кости; но, к счастью, она приземлилась на матрас. Женщина она была стойкая (такими тогда были почти все чьи-то тёти) и, понюхав нашатыря, сказала: «Ах, не волнуйтесь вы по пустякам». После чего начала действовать.

— Сарра, — велела она служанке (которой ещё не доводилось так радоваться), — бегите в полицию и сообщите, что в городе беснуется умалишённая особа. Обед моей сестре я отнесу сама.

Дигори помог ей отнести обед; потом они сами пообедали; потом он стал думать.

Итак, надо было как можно скорее вытащить

колдунью из нашего мира. Мама её видеть не должна ни за что на свете. По городу ей ходить нельзя, чего-нибудь натворит. Дигори не знал, что ей не удалось испепелить тётю, но зато прекрасно помнил, как она испепелила дверь. Не знал он и того, что здесь, у нас, сила её не действует; зато знал, что она хочет завоевать весь мир. «Сейчас, — думал он, — она, наверное, стирает с лица земли Букингемский дворец или парламент, а уж полисмены едва ли не все стали маленькими кучками пепла. И поделать ничего нельзя… Но ведь кольца вроде магнитов, — вспомнил он. — Надо её только тронуть, и кольцо вытянет нас хотя бы в лес. Интересно, станет ей там опять плохо? Место на неё подействовало или она просто испугалась? Да, но где же её найти? Тётя меня на улицу не пустит, во всяком случае — спросит, куда я иду. И денег у меня нет, так, мелочь, на омнибус не хватит, ведь объехать надо весь город. И куда, собственно, ехать? Интересно, дядя ещё при ней?»

Оставалось сидеть дома и ждать и её, и дядю. Если они вернутся, надо побыстрее надеть кольцо и сразу же тронуть колдунью. Пускать её в дом нельзя; значит, надо стеречь у двери, как кот у мышиной норки. Дигори пошёл в переднюю и

прижался носом к окошку, откуда были видны и крыльцо, и улица, так что пропустить он никого не мог. «А где же теперь Полли?» — подумал он.

Думал он не меньше получаса, но вы себе голову не ломайте, я вам скажу. Полли опоздала к обеду и промочила к тому же ноги. На все расспросы она говорила, что гуляла с Дигори Кёрком, а ноги промочила в пруду. Когда её спросили, где этот пруд, она отвечала: «В лесу»; когда её спросили, где лес, она отвечала: «Не знаю». И мама решила, что она забрела в какой-нибудь дальний парк, где шлёпала по лужам. Естественно (для тех, конечно, времён), ей запретили гулять — особенно с «этим Кёрком», не дали сладкого и велели два часа не выходить из своей комнаты.

Значит, пока Дигори глядел на крыльцо, Полли сидела — точнее, лежала — у себя, и оба они думали о том, как медленно течёт время. Мне кажется, ей всё-таки было легче, чем ему: одно дело — ждать, пока пройдут два часа, другое — шептать: «Вот, вот!» — и узнавать снова и снова, что это не та, кого ты ждёшь, а чужой кеб или фургон булочника. Время от времени часы отбивали четверть, и большая муха жужжала в верхнем углу окошка. Дом был из тех, где после полудня очень тихо и почему-то пахнет бараниной.

Пока Дигори ждал, случилось одно происшествие, о котором я расскажу, потому что потом это будет важно. Знакомая дама принесла винограду для больной, и в приоткрытую дверь Дигори поневоле слышал её беседу с тётей.

— Какая прелесть! — говорила тетя. — Если бы что-нибудь могло ей помочь, этот виноград помог бы. Ах, бедная, бедная Мейбл! Боюсь, ей помогли бы теперь только плоды из Края Вечной Молодости… В нашем мире уже ничто… — И обе заговорили тише.

Раньше Дигори подумал бы, что тётя просто говорит чепуху, как все взрослые; он и сейчас чуть не подумал так, но вдруг понял, что он-то знает другие миры, кроме нашего. Быть может, где-то есть и Край Вечной Молодости. Все может быть… И… и… — ну, вы сами знаете, как возникает почти безумная надежда и как вы боретесь с ней, чтобы не разочароваться снова. Именно это чувствовал Дигори, но боролся не так уж сильно — он ведь и впрямь знал другие миры. Уже случилось столько странного… Волшебное кольцо у него есть. Через лесные пруды можно попасть куда угодно. Перепробовать их все, а потом… *МАМА БУДЕТ ЗДОРОВА*. Он уже и ждать забыл, и чуть было не схватил кольцо, чтобы поскорей найти

тот нужный мир, как вдруг услышал громкий цокот копыт.

«Что это? — подумал он. — Пожарные? Где же пожар? Ой, они скачут к нам! Да это она сама!» (Не буду говорить вам, кого он имел в виду.)

Действительно, к дому нёсся кеб. На нём — не там, где сидит кучер, а прямо на крыше — стояла Джадис, царица цариц и ужас Чарна. Глаза её горели, зубы сверкали, волосы хвостом кометы стлались за нею. Лошадь она хлестала без милости, и та, раздувая ноздри, неслась во весь опор. Пролетев в дюйме от фонарного столба, лошадь эта остановилась, встала на дыбы, а кеб стукнулся о столб и развалился на куски. Колдунья ловко перескочила лошади на спину, шепнула ей что-то, та снова встала на дыбы и заржала, как от боли. Дигори видел лишь оскал, да горящий взгляд, да гриву. Королева и тут удержалась, как самый заправский наездник.

Дигори охнуть не успел, как из-за поворота вылетел ещё один кеб, а из него выскочили толстый джентльмен во фраке и полицейский. Сзади ехал третий кеб с двумя полицейскими и штук двадцать велосипедов; сидевшие на них мальчишки (главным образом — разносчики) орали и звонили вовсю. За ними бежала толпа.

В домах захлопали окна, на каждом крыльце появилось по слуге или служанке. Кто пропустит такое зрелище!

Тем временем из развалин первого кеба вылез

старичок, в котором Дигори признал своего дядю, хотя лица не увидел, ибо цилиндр его закрыл. Многие кинулись на помощь, в том числе и Дигори.

— Вот она, — кричал толстяк, указывая на королеву, — держите её, констебль! Камней взяла на тысячи фунтов… прямо с прилавка… Жемчуг у неё на шее… всё моё… Мало того, она меня прибила!

— И точно! — обрадовался кто-то в толпе. — Ух, синячище! Ну и дамочка! Силы-то, силы!

— Приложите сырое мясо, хозяин, — посоветовал мальчик из мясной лавки.

— Ничего не пойму, — сказал самый главный полисмен.

— Да говорю же я… — снова начал толстяк, но кто-то крикнул:

— Вы старика не прозевайте! Это он её возил.

Старик, то есть дядя Эндрью, сумел наконец подняться и потирал ушибленные места.

— Извольте объяснить, что здесь творится, сэр, — сказал полицейский.

— Умфи-помфи-шомф, — сказал дядя сквозь цилиндр.

— Попрошу без шуток! — строго сказал полисмен. — Снимите шляпу!

Сделать это было нелегко, но, к счастью, появились ещё два полисмена и сдернули цилиндр, взявшись за поля.

— Спасибо, — слабым голосом сказал дядя. — Спасибо… Мне плохо… Если бы капельку бренди…

— Минутку, сэр! — сказал первый полицейский, извлекая большой блокнот и маленький карандаш. — Кто отвечает за эту особу? Вы?

— Эй, берегись! — закричали в толпе, и полисмен успел отскочить. Лошадь чуть не лягнула его, и так сильно, что могла убить. Колдунья развернула её мордой к собравшимся и острым ножом рассекла постромки.

Дигори все это время пытался подобраться к колдунье, но не мог — мешала толпа. Чтобы подойти с другой стороны, надо было протиснуться

между копытами и перильцами палисадника. Если вы знаете лошадей, вы поймёте, что мешала и лошадь. Дигори лошадей знал и выжидал, скрипя зубами.

Сквозь толпу пробился краснолицый, довольно молодой человек в котелке.

— Хозяин, — обратился он к полицейскому, — это моя лошадка… и повозочка моя. Сейчас одни щепки останутся…

— По очереди! — сказал полисмен. — Я не могу слушать всех сразу!

— Да как же? — сказал кебмен (звали его Фрэнком). — Я свою лошадку знаю, у неё папаша в кавалерии служил. Если дамочка будет её мучить, она тут всех перебрыкает. Пустите-ка, я разберусь.

Полисмен обрадовался предлогу и отошёл от лошади подальше, а кебмен Фрэнк добродушно обратился к колдунье:

— Вот что, барышня, оставьте вы лучше лошадку! Вы же из приличных, к чему вам такой тарарам? Ступайте домой, попейте чайку, отдохните, всё и пройдёт. — И он обратился к лошади, протянув руку, чтобы погладить её: — А ты, Земляничка, постой, не рыпайся! Тише, тиш-ш…

И тут колдунья заговорила:

— Пёс, — сказала она злобно, звонко и громко, — убери руку! Перед тобой королева!

Глава восьмая
Битва у фонаря и что было дальше

— Ух ты! — восхитились в толпе. — Прямо и сама королева?

— Ура её величеству! — поддержал кто-то, и все заорали «ура». Колдунья гордо вскинула голову, щёки её вспыхнули, но, услышав смех, она поняла, что над ней потешаются. Лицо её изменилось, она переложила нож в левую руку и вдруг, без предупреждения, сделала поистине жуткое дело:

легко, словно срывая травинку, отломила перекладину от фонарного столба. Магическую силу она утратила, но своя, обычная, осталась при ней, и сломать столб-другой ей было не труднее, чем палочку ячменного сахара. Народ быстро расступился. Потрясая новым оружием, королева погнала лошадь вперёд.

«Сейчас или никогда!» — подумал Дигори и примерился, как бы половчей схватить колдунью за пятку. Когда он нырнул головой вперёд, раздался грохот и звон — колдунья опустила железный брусок на голову полицейскому, и тот упал, как кегля.

— Быстрее! Их надо остановить! — услышал Дигори и увидел за собою Полли. Она прибежала, как только истекли два часа.

— Молодец! — сказал он. — Держись за меня. Кольцо вынешь ты. Помни — жёлтое. Жди, пока я крикну.

Тут свалился ещё один полисмен. Толпа зарокотала: «Да оттащите вы её!.. Нет, камнем, камнем!.. Вызовите солдат!» — но отступила подальше. Один Фрэнк — видимо, самый храбрый и самый добрый из собравшихся — по-прежнему пытался схватить лошадь, увертываясь от бруска.

Толпа гудела и ревела. Над головою Дигори

просвистел камень. Колдунья звонко и вроде бы радостно выкликала:

— Подлые псы! Завоюю ваш мир, за всё ответите! Камня на камне не оставлю! Как в Чарне, как в Фелинде, как в Сораце, как в Брамандине!

Тут, изловчившись, Дигори схватил её за ногу. Она лягнула его прямо в зубы. Он разжал пальцы и закусил губу. Откуда-то доносился дрожащий дядин голос: «Мадам… моя… э… дорогая… прошу вас… успокойтесь…» Дигори снова схватил колдунью за ногу, снова отлетел, снова схватил, вцепился крепко и крикнул:

— Полли!

Слава тебе, господи! Сердитые, испуганные лица исчезли, сердитые, испуганные крики умолкли (кроме дядиного). Где-то рядом, в полной темноте, дядя кричал: «Что это, сон? Что это, смерть? Так нельзя! Это нечестно! Я, собственно, не чародей! Вы меня не поняли!.. Виновата моя крёстная!.. Протестую… При моём здоровье… Мы старого, дорсетширского рода!..» — и что-то ещё.

«Тьфу! — подумал Дигори. — Его только не хватало! Да, пикничок…»

— Ты здесь, Полли? (Это он, конечно, уже сказал.)

— Здесь, — сказала она, и они вынырнули в

зелёное сияние леса. — Гляди-ка! И лошадь тут! И мистер Кеттерли! И кебмен! Ну и компания!..

Когда колдунья увидела лес, она побледнела и склонилась лицом к лошадиной гриве. Несомненно, ей стало худо. Дядя дрожал мелкой дрожью. Но лошадь встряхнулась, радостно заржала и успокоилась — впервые с тех пор, как Дигори её увидел. Прижатые уши выпрямились, глаза уже не горели, а мирно сияли.

— Молодчина! — сказал Фрэнк и погладил её. — Понимаешь, что к чему! Так и держи, не горюй.

Лошадь Земляничка сделала самое разумное, что могла: ей очень хотелось пить (оно и понятно), и она направилась к ближайшей луже. Дигори ещё держал колдунью за ногу, а Полли — за руку; Фрэнк гладил лошадь; дрожащий дядя вцепился ему в рукав.

— Быстро! — сказала Полли и посмотрела на Дигори. — Зелёные!..

Так лошадь и не напилась. Очутившись в кромешной тьме, она растерянно заржала, дядя завизжал, Дигори сказал:

— Однако!

— Почему так темно? — удивилась Полли. — Наверное, мы уже *там*.

— Где-нибудь мы да очутились, — сказал Диго-

ри. — Во всяком случае, я на чём-то стою.

— И я, — сказала Полли. — Почему же так темно? Может, пруд не тот?

— Наверное, это Чарн, — сказал Дигори, — тут ночь.

— Это не Чарн, — сказала королева. — Это пустой мир. Здесь ничего нет.

И впрямь здесь не было ничего, даже звёзд. Стояла такая темень, что никто никого не видел, хоть вообще закрой глаза. Под ногами было что-то холодное, мокрое, вроде земли, но никак не трава. Воздух был сухой, морозный, неподвижный.

— О горе, горе! — вскричала колдунья. — Теперь мне конец. — Голос её, однако, был безжизненно спокоен.

— Не говорите так, моя дорогая!.. — залепетал дядя Эндрью. — Приободритесь. Э-э… любезный… у вас нет бутылочки?.. Мне бы капельку возбуждающего… э… средства…

— Ну, ну! — сказал ровный, добрый голос. — Чего нам жаловаться? Кости целы, и то спасибо. Подумать, как летели — и ничего, вот повезло-то! Если мы свалились в какой раскоп — может, копают станцию подземки, — придут и вытащат нас. Если мы умерли — очень даже может быть! — что ж, приходится. И бояться тут нечего

приличному человеку. В море оно и похуже. А пока нам что, споём-ка.

И он запел. Пел он не то деревенскую песню, не то благодарственный гимн жатве, что не совсем подходило к месту, где вряд ли вырос хоть один колос; но больше он ничего не вспомнил. Голос у него был сильный и приятный, дети стали подпевать и приободрились. Дядя и колдунья подпевать не стали.

Пока Дигори пел, кто-то тронул его за локоть, и по запаху бренди, сигар и духов он опознал дядю. Тот осторожно пытался оттащить его от других. Когда они отошли немного, шага на два, дядя зашептал прямо в ухо:

— Скорее, дорогой мой! Надевай кольцо!

Колдунья услышала.

— Только попробуй бежать, ничтожный глупец! — сказала она. — Разве ты забыл, что я слышу мысли? Пускай мальчишка идёт, а ты… если предашь, я отомщу так, как не мстил никто ни в одном из миров.

— Что я, свинья? — сказал Дигори. — Я в таком месте Полли не оставлю… и кебмена тоже, и лошадку.

— Ты плохой и непослушный мальчик, — сказал дядя.

— Тише! — сказал кебмен; и все прислушались.

Далеко во тьме кто-то запел. Трудно было понять, где это, — казалось, пение идёт со всех сторон, даже снизу. Слов не было. Не было и мелодии. Был просто звук, невыразимо прекрасный — такой прекрасный, что Дигори едва мог его вынести. Понравился он и лошади; она заржала примерно так, как заржала бы, если бы после долгих лет нелёгкой городской работы её пустили на луг и она бы увидела, что к ней идёт знакомый и любимый человек с куском сахара в руке.

— Ох и красиво! — сказал кебмен.

И тут случилось два чуда сразу. Во-первых, голосу стало вторить несметное множество голосов — уже не густых, а звонких, серебристых, высоких. Во-вторых, темноту испещрили бесчисленные звёзды. Они появились не постепенно, как бывает летом, а сразу — только что была тьма, и вдруг засветились тысячи звёзд, созвездий и планет, намного более ярких, чем в нашем мире. Если бы чудеса эти случились при вас, вы, как Дигори, подумали бы, что поют звёзды и что к жизни их вызвал тот, кто запел первым.

— Вот это да! — сказал кебмен. — Знал бы, что такое бывает, лучше бы жил.

Первый голос звучал всё громче, всё радостней, другие голоса затихали. Начались прочие чудеса.

Далеко, у самого горизонта, небо посерело, и подул легчайший ветер. Голос всё пел, небо светлело, на нём возникали очертания холмов.

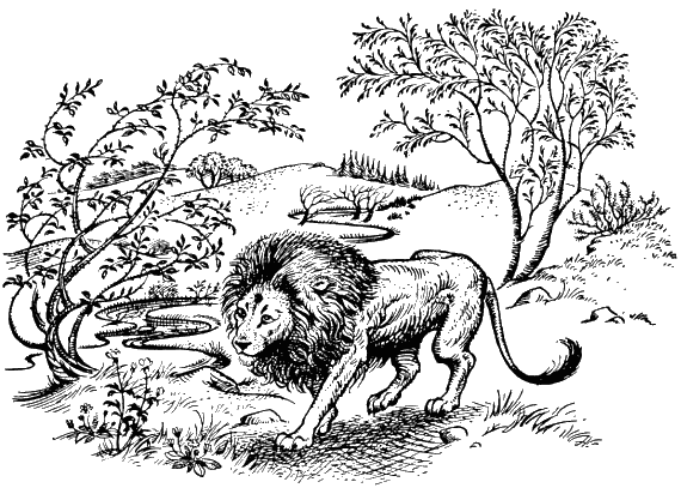
Вскоре стало так светло, что можно было увидеть друг друга. Дети и кебмен слушали, разинув рты, и глаза их сияли, словно они пытались что-то вспомнить. Разинул рот и дядя, но не от радости; скорее у него отвалилась челюсть. Колени его дрожали, плечи поникли — голос не нравился ему. Колдунья же выглядела так, словно понимает голос лучше всех, но ненавидит его. Она сжала губы, сжала кулаки; и впрямь, едва он раздался, она ощутила, что этот мир полон магии, которая сильнее её колдовства. Дядя залез бы в норку, лишь бы спрятаться от голоса; королева, напротив, уничтожила бы и этот мир, и любой другой, лишь бы голос умолк. Лошадь навострила уши, вид у неё был весёлый; теперь нетрудно было поверить, что отец её участвовал в битвах.

Белое небо на востоке стало розовым, потом золотым. Голос звучал все громче, сотрясая воздух. Когда он достиг небывалой мощи, появился первый солнечный луч.

Такого солнца Дигори не видел, оно как будто

смеялось от радости. Солнце Чарна казалось старше нашего, это — моложе. В ярком солнечном свете перед путниками лежала долина, по которой к востоку, прямо к солнцу, текла широкая река. К югу от неё были горы, к северу — холмы. Нигде — ни на них, ни в долине — ничего не росло: ни травы, ни куста, ни дерева. Земля была разных цветов, один свежей и ярче другого. Они веселили сердце — пока пришельцы не увидели того, кто пел, и не забыли обо всём прочем.

Огромный Лев стоял между путниками и солнцем, и золото его гривы затмевало золото лучей.



— Какой гнусный мир! — сказала королева. — Бежим! Колдуй скорее!

— Вполне согласен, мадам. Пренеприятное место. Никакой цивилизации. Будь я помоложе и с ружьём…

— Это *его* стрелять? — удивился кебмен. — Да вы что!

— Кто же посмеет? — сказала Полли.

— Колдуй, глупец! — крикнула королева.

— Простите, мадам, — сказал дядя, — минутку! Я ведь отвечаю за детей. Дигори, надевай кольцо! (Он всё ещё хотел сбежать без неё.)

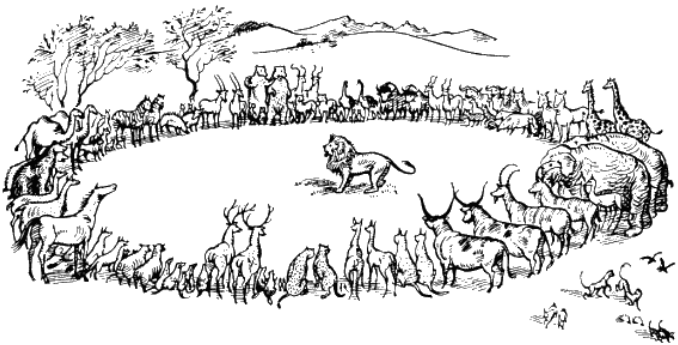
— Ах, *кольцо*? — повторила королева и кинулась к Дигори, но тот отступил, схватил Полли за руку и крикнул:

— Осторожно! Если кто-нибудь из вас ко мне шагнёт, мы оба исчезнем, и выбирайтесь как знаете. Да, у меня в кармане кольцо, мы с Полли можем вернуться домой. Эй, отойдите, сейчас кольцо надену! Мне очень жаль вас (он посмотрел на Фрэнка) и очень жаль лошадку, но чародеям (и он посмотрел на дядю и на королеву) будет вместе неплохо.

— Да тише вы, — сказал Фрэнк. — Давайте послушаем!

Ибо песня стала иной.

Глава девятая
О том, как была создана Нарния



Лев ходил взад и вперёд по новому миру и пел новую песню. Она была и мягче, и торжественней той, которой он создал звёзды и солнце, она струилась, и из-под лап его словно струились зелёные потоки. Это росла трава. За несколько минут она покрыла подножие далёких гор, и только что созданный мир сразу стал ещё приветливей. Теперь в траве шелестел ветер. Вскоре на холмах появились пятна вереска, в долине — какие-то зелёные точки, поярче и потемней. Когда точки эти — нет, уже палочки — возникли у ног Дигори,

он разглядел на них короткие шипы, которые росли очень быстро. Сами палочки тоже тянулись вверх, и через минуту-другую Дигори узнал их — это были деревья.

Плохо было только то (говаривала позже Полли), что тебе не давали спокойно на всё смотреть. Вскрикнув: «Деревья!», Дигори отскочил в сторону, ибо дядя Эндрью норовил залезть ему в карман, причём в правый, всё ещё полагая, что зелёные кольца переносят сюда, к нам. Но Дигори вообще не хотел, чтобы их украли.

— Стой! — крикнула королева. — Отойди. Так, ещё. Если кто-нибудь подойдет к детям ближе чем на десять шагов, я его убью. — И она взмахнула железкой. Почему-то никто не усомнился в том, что бросает она метко. — Не надейся, несчастный, уйти отсюда без меня! Как ты смел и помыслить?..

Дядин склочный нрав победил наконец его трусость.

— А что такого, мадам? — нагло сказал он. — Я в своём праве. Вы обращались со мной премерзко… просто стыдно вспомнить. Я пытался показать вам всё, что мог, — и что же? Вы обокрали — да, обокрали! — почтенного ювелира… Мало того, вы меня вынудили заказать для вас до неприличия дорогие блюда, мне пришлось заложить часы (а, разрешите заметить, наша семья не привыкла к ломбардам — кроме кузена Эдварда, но он гвардеец). Пока мы ели эти кошмарные… гм… яства — мне ещё и сейчас худо, — ваши манеры и ваши речи привлекали недолжное внимание. Вы буквально опозорили меня! Теперь мне будет стыдно показаться в ресторане. Вы напали на полицейских. Вы обокрали…

— Да ладно, хозяин! — сказал Фрэнк. — Вы лучше посмотрите, какие чудеса!

Посмотреть было на что. Над ними уже шумел бук, а внизу, в прохладной свежей траве, пестрели лютики и ромашки. Подальше, у реки, склонилась ива, за рекой цвели сирень, шиповник и рододендрон. Дети и кебмен смотрели, лошадь — смотрела и жевала.

Лев ходил взад и вперёд величавой поступью; Полли немножко пугалась, что он — всё ближе, но больше радовалась, потому что начала улавливать связь между песней и новым творением. Перед тем как на холме возникла тёмная полоска елей, прозвучали одна за другой одинаковые низкие ноты. Когда звуки стали выше, легче и

быстрее, Полли увидела, что долину испещрили первоцветы. Всё это было так замечательно и дивно, что у неё не хватало времени на страх. Но Дигори и кебмен волновались всё больше, по мере того как приближался лев. Что до дяди Эндрью, он стучал зубами. Но колени у него так дрожали, что убежать он не мог.

Вдруг колдунья смело шагнула навстречу Льву. Он подходил всё ближе, мягко и тяжко ступая, он был уже ярдах в десяти, он пел. Колдунья подняла руку и швырнула в него железный брусок.

Никто — а уж тем более она — не промахнулся бы на таком расстоянии. Брусок ударил Льва прямо между глаз и упал в траву. Лев приближался — не медленнее и не быстрее, словно ничего и не заметил. Ступал он бесшумно, но земля дрожала от его шагов.

Колдунья вскрикнула, кинулась прочь и скрылась за деревьями. Дядя тоже попытался бежать, но сразу, споткнувшись обо что-то, упал лицом в ручей. Дети не двигались — и не могли, и, наверное, не хотели. Лев на них не глядел. Он прошёл мимо них, едва не коснувшись гривой; они боялись, что он обернётся, и хотели этого. Он обернулся. И прошествовал дальше.

Дядя откашливался и отряхивал воду.

— Ну, Дигори, — сказал он, — от этой женщины мы избавились, эта зверюга прошла мимо, так что бери меня за руку и надевай кольцо.

— Дядя, — отвечал Дигори, — если вы подойдёте ко мне, мы с Полли исчезнем.

— Делай, что тебе говорят! — крикнул дядя. — Какой, однако, непослушный мальчик.

— Нет, — сказал Дигори. — Мы останемся и посмотрим. Вы же интересуетесь другими мирами. Неужели вам не нравится этот?

— Нравится?! — возопил дядя. — Да ты на меня погляди! Лучший жилет, новый сюртук… — И впрямь, вид у него был жалкий — ведь чем нарядней вы оденетесь, тем заметнее будет, если вы вывалитесь из кеба и упадёте в воду. — Спорить не буду, местность занимательная. Будь я помоложе… Да, прислать бы сюда хорошего молодого охотника… Кое-что тут сделать можно. Климат превосходный, воздух — лучше некуда. Прекрасный курорт, он бы даже пошёл мне на пользу, если бы… не обстоятельства. Ох, ружьё бы нам!

— Какое ружьё? — сказал кебмен. — Пойду-ка я лучше выкупаю лошадку. Вроде бы она, как я погляжу, умнее людей.

И он повёл её к реке, как конюх.

— Вы думаете, его можно застрелить? — спро-

сил Дигори. — Она же бросила в него брусок…

— При всех её недостатках, — оживился дядя, — надо отдать ей должное, это было умно! — И он потёр руки, хрустя суставами.

— Это было гадко! — сказала Полли. — Что он ей сделал?

— Эй, что это? — сказал Дигори. — Полли, посмотри!

Перед ними, неподалёку, стоял маленький фонарный столб. Точнее, он не просто стоял, а рос и утолщался на глазах.

Более того — фонарь светился, солнце затмевало его свет, но тень падала на землю.

— Удивительно, — сказал дядя. — Достойно всяческого внимания! Здесь растёт буквально всё, даже фонарные столбы. Интересно, из какого семени?..

— Да из той железки! — перебил Дигори.

— Поразительно! — сказал дядя и ещё сильней потёр руки. — Хо-хо! Они надо мной потешались! Моя сестрица считала меня сумасшедшим. И что же? Я выше Колумба. Какой там Колумб! Я открыл страну поистине неограниченных возможностей. Привезу сюда всякого лома, и тут совершенно без затрат появятся самые разные машины. Я отправлю их в Англию. Я стану миллионером.

А климат? Построим курорт… Один санаторий приносит тысяч двадцать в год… Конечно, придётся кого-нибудь взять в долю, но как можно меньше народу. Первым делом надо избавиться от этого чудища.

— Вы такой же, как эта колдунья, — сказала Полли. — Вам бы только убивать.

— А что до меня самого, — продолжал в упоении дядя, — я бы здесь буквально ожил. Как-никак мне пошёл седьмой десяток, об этом стоит подумать. Тут у них и не состаришься. Поразительно! Это страна вечной молодости!

— Ой! — крикнул Дигори. — Страна молодости! Неужели правда? — Конечно, он вспомнил тётин разговор с гостьей. — Дядя Эндрью, а может, тут что-нибудь такое есть… для мамы? Чтобы она вылечилась?

— О чём ты? — сказал дядя. — Это не аптека. Так вот, я говорил…

— Вам нет до неё дела!.. А я-то думал… Мне она мать, но вам она — сестра! Что же, ладно. Спрошу самого Льва. — И Дигори быстро отошёл. Полли подождала немного и пошла за ним.

— Эй! Стоп! Ты с ума сошёл! — кричал дядя. Не дозвавшись, он пошёл за ними, ведь кольца-то были у них.

Через несколько минут Дигори остановился на опушке леса. Песня снова изменилась. Теперь, слушая её, хотелось плясать, или бегать, или лазать по деревьям, или просто кричать от радости. Она подействовала даже на дядю, он пробормотал: «Да, умная женщина… отдать ей должное… характер ужасный, но умная… да». А сильнее всего подействовала песня на недавно созданный мир.

Можете ли вы представить себе, что покрытая травой земля пузырится, как вода в котле? Лучше не опишешь то, что происходило. Повсюду, куда ни взгляни, вспухали кочки. Размера они были разного: одни — как кротовая норка, другие — как бочка, а две — с домик величиной. Они росли и пухли, пока не лопнули, взметая землю, а из них

вышли животные, точно такие, как в Англии. Вылезли кроты, выскочили собаки, отряхиваясь и лая; высунулись рогами вперёд олени (Дигори подумал сначала, что это деревья). Лягушки сразу поскакали к реке, громко квакая. Пантеры, леопарды и их сородичи присели, чтобы умыться, а потом встали на задние лапы, чтобы поточить о дерево когти. Птицы взлетели на ветви, запорхали бабочки. Пчёлы разлетелись по своим цветам, не теряя попусту ни минуты. Удивительнее всего было, когда лопнул целый холм и на свет вылезла большая мудрая голова, а потом и ноги, с которых свисали мешковатые штаны, — это был слон. Песню Льва почти заглушили мычание, кряканье, блеяние, рёв, лай, мяуканье и щебет.

Дигори уже не слышал Льва, но он его видел. Лев был так прекрасен, что он не мог оторвать от него глаз. Звери льва не боялись. Процокав копытами, мимо пробежала заметно помолодевшая лошадь. Лев уже не пел. Он ходил перед своими созданиями туда и сюда и время от времени трогал кого-нибудь носом. Он тронул двух бобров, и двух леопардов, и двух оленей, то есть оленя и олениху, всякий раз самца и самку, и каждая пара шла за ним. Потом он остановился, и они встали кругом, немного поодаль. Стало очень тихо. Они

глядели на него, не шевелясь, только кошачьи поводили хвостами. Сердце у Дигори сильно билось: он знал — сейчас произойдёт что-то важное. О маме он не забыл, но даже ради неё не посмел бы прервать то, что перед ним совершалось.

Лев глядел на свои создания не мигая, и под взглядом его они менялись. Те, кто поменьше — кроты, мыши, кролики, — заметно подросли. Самые большие стали меньше. Многие поднялись на задние лапы. Почти все стояли, склонив набок голову, словно старались что-то понять. Лев открыл пасть, но не запел и ничего не сказал, только дохнул на стоявших вокруг него. Из-за дневного синего неба послышалось пение звезд. Сверху (или от Льва?) сверкнула молния, не обжигая никого, и самый дивный голос, какой только слышали дети, произнёс:

— Нарния, Нарния, Нарния, встань! Потоки, обретите душу! Деревья, ходите! Звери, говорите! И все любите друг друга.

Глава десятая
Первая шутка и другие события

Конечно, говорил это Лев. Дети давно почувствовали, что говорить он умеет, и всё-таки испугались и обрадовались.

Из-за деревьев появились боги и богини леса, фавны, сатиры и гномы. Из реки вышел речной бог со своими дочерьми, наядами. И все они — и божества, и звери — ответили на разные голоса:

— Радуйся, Аслан! Мы слышим и повинуемся. Мы думаем. Мы говорим. Мы любим друг друга.

— Только мы мало знаем, — раздался немного гнусавый голос, и дети совсем удивились, ибо это сказала лошадь.

— Молодец, Земляничка! — сказала Полли. — Как я рада, что её выбрали.

И кебмен, стоявший теперь рядом с детьми, вскричал:

— Ну и ну! Да и то, лошадка что надо, я всегда говорил.

— Создания, обретшие речь, я поручаю вас друг другу, — продолжал могучий и радостный голос. — Я отдаю вам навеки землю Нарнии. Я отдаю вам леса, и плоды, и реки. Я отдаю вам звёзды и самого себя. Отдаю я и тех, кто остался бессловесным. Будьте добры к ним, но не поступайтесь своим даром и не возвращайтесь на их пути. От них я взял вас, к ним вы можете вернуться. Тогда вы станете много хуже, чем они.

— Нет, Аслан! Мы не вернёмся! Что ты, что ты! — зазвучало множество голосов, а галка

крикнула: «Ты не бойся! — чуть позже всех, и слова её прозвучали в полной тишине. Вы знаете сами, что бывает, когда так случится в гостях. Она растерялась и спрятала голову под крыло, словно решила поспать, а прочие стали издавать странные звуки, которых здесь никто не слышал, и пытались сдержаться, но Аслан сказал:

— Смейтесь, это большое благо. Теперь, когда вы обрели и мысль, и слово, вам не надо всегда хранить серьёзность. Шутка, как и справедливость, рождается вместе с речью.

Смех зазвучал громче, а галка так раззадорилась, что вскочила Земляничке на голову прямо между ушами и крикнула, хлопая крыльями:

— Аслан! Аслан! Неужели я первая пошутила? Неужели про это будут всегда рассказывать?

— Маленький друг, — отвечал ей Лев, — не слова твои, ты сама — первая шутка.

И все опять засмеялись, и галка не обиделась и смеялась со всеми так заливисто, что лошадь, шевельнув ушами, согнала её с головы, но галка вдруг поняла, на что ей крылья, и не упала.

— Мы основали Нарнию, — сказал Аслан. — Теперь наше дело — её беречь. Сейчас я позову на совет некоторых из вас. Идите сюда, ты, гном, и ты, речной бог, и ты, дуб, и ты, филин, и вы,

оба ворона, и ты, слон. Нам надо потолковать, ибо миру этому пять часов отроду, но в него уже проникло зло.

Те, кого он назвал, приблизились к нему, и он ушел с ними к востоку, а прочие спрашивали

друг друга:

— Кто сюда проник? Лазло? Кто же это? Нет, не лазло, казло!.. Может быть, козлы? Да что ты!

— Вот что, — сказал Дигори, повернувшись к Полли. — Я должен пойти за ним… За Львом. Только он может мне дать то, что ей поможет.

— И я пойду, — сказал Фрэнк. — Понравился он мне. Да и с лошадкой поговорить надо.

Все трое смело пошли к Совету зверей, во всяком случае — настолько смело, насколько это им удалось. Звери были так заняты беседой, что не сразу заметили их и услышали дядю Эндрью, который стоял довольно далеко и надсадно звал:

— Дигори! Вернись! Немедленно иди сюда, кому говорю!

Когда люди проходили мимо зверей, те замолкли и на них уставились.

— Это ещё кто такие? — спросил бобр.

— Простите… — начал Дигори, но кролик перебил его:

— Наверное, салатные листья.

— Нет! — поспешила сказать Полли. — Нас нельзя есть, мы невкусные.

— Смотри-ка! — сказал крот. — Говорить умеют. Салат он речью не наделял.

— Может, они вторая шутка? — предположила

галка.

Пантера перестала умываться и сказала:

— Ну, первая была лучше. Кто как, а я ничего смешного не вижу! — И, зевнув, принялась умываться опять.

— Пожалуйста, пропустите нас! — взмолился Дигори. — Я очень спешу. Мне нужен Лев.

Тем временем Фрэнк пытался привлечь внимание Землянички и наконец преуспел.

— Лошадка! — сказал он. — Ты-то меня знаешь, объясни им.

— О чём это оно? — спросили её звери.

— Знаю… — нерешительно произнесла лошадь. — Я мало что знаю. Наверное, все мы ещё очень мало знаем. Но где-то я вас видела… Где-то я вроде бы жила… или видела сон, прежде чем Аслан разбудил нас. В этом сне вроде бы жили вы трое…

— Ты что? — сказал кебмен. — Меня не признала? А кто тебя чистил? Кто кормил, а? Кто попону надевал, когда холодно? Ну, не ждал я от тебя!

— Минутку, минутку… — проговорила лошадь. — Дайте подумать. Да, ты привязывал ко мне сзади какой-то тяжёлый ящик и гнал меня куда-то, и я бежала, а ящик очень грохотал…

— Зарабатывали мы с тобой, — сказал кеб-

мен. — Жить-то надо и тебе и мне. Без работы да без кнута ни стойла бы не было, ни корма, ни сена, ни овса. Любила ты овёс, если я мог его купить, тут ничего не скажешь.

— Овёс? — сказала лошадь, прядая ушами. — Да, что-то такое помню. И ещё… Ты сидел сзади на ящике, а я тащила и тебя, и ящик. Бегала-то я.

— Ну, летом, ладно, — сказал Фрэнк. — Ты тянешь, я себе сижу. А зимой? Когда ноги как ледышки? Ты бегаешь, тебе что, а я? И нос замёрзнет, и щёки, и рукой не шевельнуть, вожжи не удержишь.

— Там было плохо, — сказала лошадь. — Камни, трава не растёт.

— То-то и оно! — обрадовался Фрэнк. — Плохо там было, одно слово — город. Мостовые. Не люблю я их. Мы с тобой из деревни. Я там, у себя, в хоре пел. А пришлось, жить-то надо.

— Пожалуйста! — взмолился Дигори. — Пустите нас! Лев уходит, а мне очень нужно с ним поговорить.

— Понимаешь, лошадка, — сказал Фрэнк, — молодой человек хочет со Львом поговорить, Асланом. Может, довезёшь его? Будь так добра! А то вон куда ваш Лев ушёл. Мы уж с барышней дойдём.

— Довезти? — переспросила лошадь. — Ах, помню, помню! Ко мне садились на спину… Когда-то давно один из ваших, коротенький, часто это делал. Он мне всегда давал такие твёрдые белые кубики… Очень вкусные… лучше травы.

— А, сахар, — сказал Фрэнк.

— Пожалуйста! — снова взмолился Дигори. — Очень тебя прошу!

— Довезу, о чём говорить! — отвечала лошадь. — Только по одному. Садись.

— Молодец! — сказал Фрэнк и подсадил Дигори, и тот уселся удобно, он ведь и прежде ездил на пони без седла.

— Иди, Земляничка, пожалуйста! — сказал он.

— А у тебя нет сладкой белой штуки? — спросила лошадь.

— Сахару? — огорчился Дигори. — Нет, не захватил.

— Ну, ничего, — сказала Земляничка, и они двинулись в путь.

Только тогда животные заметили ещё одно странное существо, тихо стоявшее в кустах в надежде, что его не увидят.

— Это кто такой? — спросил бульдог.

— Пойдём посмотрим! — крикнули другие; и, пока Земляничка бежала рысцой, а Полли и

Фрэнк поспешали за нею, решив не дожидаться её возвращения, звери и птицы кинулись к кустам, лая, воя, рыча на все лады, с радостным любопытством.

Надо заметить, что дядя Эндрью воспринимал по-своему всё, что мы сейчас описали, — совсем не так, как Фрэнк и дети. То, что ты видишь и слышишь, в некоторой степени зависит от того, каков ты сам.

Когда из земли появились звери, дядя чуть ли не юркнул в лес. Конечно, он за ними следил, и очень зорко, но занимало его не то, что они делают, а то, что они могут сделать ему. Как и колдунья, он был на удивление практичным. Он замечал лишь то, что его касалось; и просто не увидел, как Лев отобрал и наделил речью по одной паре своих созданий. Он видел (или думал, что видит) множество диких зверей, бродящих вокруг. И удивлялся, почему это они не убегают от Льва.

Когда великий миг настал и звери заговорили, он ничего не понял, и вот почему: в самом начале, когда Лев запел, дядя смутно понял, что это — песня, но она ему совсем не понравилась, ибо внушала мысли и чувства, которые он всегда отгонял. Потом, когда взошло солнце и он увидел,

что поёт Лев («Просто лев», — подумал он), он стал изо всех сил убеждать себя, что это вообще не песня, львы не поют, они рычат, скажем, в зоологическом саду, там, в его мире. «Конечно, петь он не мог, — думал дядя. — Мне померещилось. Совсем нервы никуда… Разве кто-нибудь слышал, чтобы львы пели?» И чем дольше, чем прекрасней пел дивный Лев, тем упорней убеждал себя дядя Эндрью. Когда пытаешься стать глупей, чем ты есть, это нередко удаётся, и дядя Эндрью вскоре слышал рёв, больше ничего. Он больше и не смог бы ничего услышать. Когда Лев возгласил: «Нарния, встань!» — слов он не разобрал, а когда ответили звери, он услышал только кваканье, лай, что угодно; когда же они засмеялись — сами себе представьте, что ему послышалось. Это было для дяди хуже всего. Такого жуткого, кровожадного рёва голодных и злых тварей он в жизни своей не слышал. И тут, в довершение ужаса, он увидел, что трое людей пошли к этим зверюгам.

«Какая глупость! — думал он. — Звери съедят их, а заодно и кольца, как же я вернусь? Эгоист этот Дигори, да и другие хороши… Не дорожат жизнью — их забота, но вспомнили бы обо мне! Ах, что там, кто обо мне вспомнит?»

Но тут он увидел, что звери идут к нему, и побежал во всю прыть. Должно быть, климат и впрямь омолодил его, ибо он не мчался так со школьных лет. Звери были рады новому развлечению. «Эй, лови! — кричали они. — Это лазло! Да, да! Ура! Хватай! Заходи спереди!»

Через минуту-другую одни забежали спереди и перегородили ему путь, другие были сзади, и, поневоле остановившись, дядя озирался в ужасе. Куда ни взглянешь — звери. Над самой головой — огромные лосиные рога и слоновий хобот. Важные медведи и кабаны глядели на него, и равнодушные леопарды, и насмешливые пантеры (это ему казалось), а главное — все разинули пасти. На самом деле они переводили дух, но он думал, что они хотят сожрать его.

Дядя Эндрью стоял, дрожал. Животных он никогда не любил, скорей боялся, а опыты совсем ожесточили его сердце. Сейчас он испытывал самую пылкую ненависть.

— Прости, — деловито сказал бульдог, — ты

кто: камень, растение или зверь?

Но дядя Эндрью услышал: «Рр-р-ррр!..»

Глава одиннадцатая
О злоключениях Дигори и его дяди

Вы скажете, животные были очень глупы, не признав в дяде Эндрью такого же существа, как Фрэнк и дети. Но вспомните, они ничего не знали об одежде. Им казалось, что платьице Полли, курточка Дигори, котелок Фрэнка — то же самое, что перья или мех. Они бы и этих троих не признали

одинаковыми, если бы те с ними не заговорили и если бы им не сказала об этом Земляничка. Дядя был выше детей и худее кебмена. Носил он всё чёрное, кроме манишки (не слишком белой теперь), а седое гнездо волос особенно отличало его от прочих людей. Как тут не растеряться? К довершению всего он не говорил.

Правда, говорить он пытался. Когда бульдог спросил его, кто он, дядя, ничего не разобрав, льстиво пролепетал: «Собачка, собачечка…», но звери его не поняли, как и он их. Оно и лучше, ибо какая собака, тем более — говорящая, стерпит такие слова? Все равно что называть, скажем, вас: «Мальчичек, мальчишечка».

Тогда дяде Эндрью стало дурно.

— Ну вот, — сказал кабан, — это дерево. Так я и думал. (Не забывайте, при них никогда никто не падал в обморок и вообще не падал.)

Бульдог обнюхал дядю, поднял голову и сказал:

— Это зверь. Точно зверь. Вроде тех троих.

— Навряд ли, — сказал один из медведей. — Звери так не падают. Мы вот не падаем! Мы стоим. — Он встал на задние лапы, сделал шаг назад и повалился на спину.

— Третья шутка, третья шутка! — закричала галка в полном восторге.

— Нет, это дерево, — сказал другой медведь, — на нём пчелиное гнездо.

— Мне кажется, — заметил барсук, — он пытался заговорить.

— Это ветер шумел, — вставил кабан.

— Неужели ты думаешь, — сказала галка барсуку, — что это говорящее животное? Он же не говорил слов!

— Нет, всё-таки, — возразила слониха (слон, её муж, ушёл, как вы помните, с Асланом), — всё-таки это животное. Вон тот сероватый тычок — вроде морды, эти дырки — глаза и рот, носа нет… хм… да… не буду придирчивой, нос мало у кого есть… — И она с понятной гордостью повела хоботом.

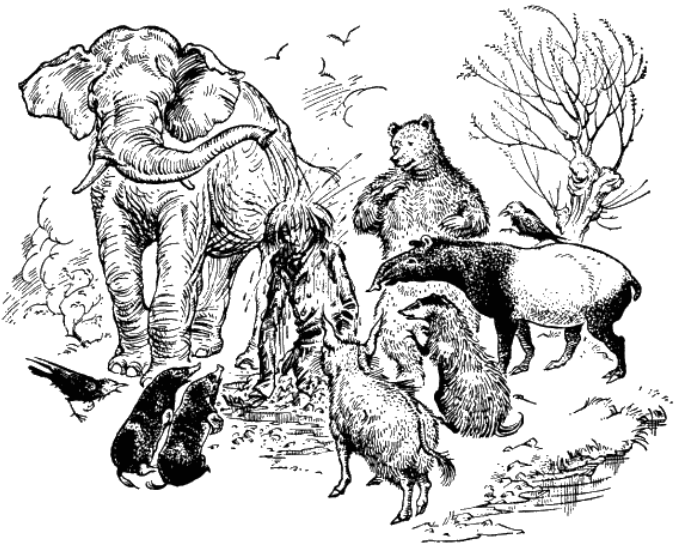
— Решительно возражаю! — сказал бульдог.

— Она права, — сказал тапир.

— Знаете, — вмешался осёл, — наверное, это неговорящее животное, но думает, что оно говорящее.

— Нельзя ли его поставить прямо? — спросила слониха и обвила дядю хоботом, чтобы приподнять. К несчастью, она не разобрала, где у него низ, где верх, и поставила на голову, так что из карманов его посыпались два полусоверена, три кроны и один шестипенсовик. Но дядя Эндрью

снова свалился.



— Ну вот! — закричали другие звери. — Какое это животное, если оно не живое?

— А вы понюхайте! — не сдался бульдог.

— Нюхать — ещё не всё, — сказала слониха.

— Чему же верить, если не чутью? — удивился бульдог.

— Мозгам, наверное, — застенчиво отвечала она.

— Решительно возражаю! — заявил бульдог.

— Во всяком случае, — продолжала слониха, — что-то с ним делать надо. Наверное, это лазло, и мы должны показать его Аслану. Как по-вашему, животное он или дерево?

— Дерево, дерево! — закричали многие.

— Что ж, — сказала слониха, — значит, посадим его в землю. Выкопаем ямку…

Кроты быстро выкопали её, и звери стали спорить, каким концом совать туда дядю. Одни говорили, что ноги — это ветки, а серая масса — корни, переплетённые в клубок. Другие утверждали, что корни — это два отростка, они и грязнее, и длиннее. В общем, сунули вниз ногами. Когда землю утрамбовали, она доходила ему до бёдер.

— Какой-то он чахлый, — сказал осёл.

— Надо бы его полить, — сказала слониха. — Не обессудьте, но мой нос очень бы…

— Решительно возражаю! — вставил бульдог.

Однако умная слониха спокойно пошла к реке, набрала воды в хобот, вернулась, стала поливать дядю, и поливала, и поливала, пока вода не потекла потоком с фалд, словно он купался одетым. Наконец, он пришёл в себя. На том мы его пока и оставим. Пусть поразмыслит о своих злодеяниях (если хватит разума), а мы вернёмся к более важ-

ным событиям.

Земляничка тем временем приблизилась к Совету зверей. Дигори не посмел бы прервать их беседу, но Аслан сразу дал знак, и звери расступились. Спрыгнув на землю, Дигори встал лицом к лицу со Львом. Тот был больше и величественнее, красивее и страшнее, чем ему прежде казалось, и Дигори не решался взглянуть ему в глаза.

— Простите, мистер Лев… мистер Аслан… сэр, — проговорил Дигори. — Не дадите ли… то есть, нельзя мне… что-нибудь для мамы?.. Она больна.

Он надеялся, что Лев скажет: «Можно». Он боялся, что Лев скажет: «Нельзя». Но тот сказал совсем иное:

— Вот он. Вот мальчик, который это сделал. — И поглядел не на него, а на своих советников.

«Что же я сделал?» — подумал Дигори.

— Сын Адама, — сказал Лев, — расскажи добрым зверям, почему в моей стране оказалась злая колдунья.

Дигори хотелось ответить иначе, мыслей десять мелькнули в его мозгу, но он тихо сказал:

— Я привёл её, Аслан.

— Зачем?

— Я хотел убрать её из моего мира.

— Как она очутилась в твоём мире?

— Из-за волшебства.

Лев молчал, а Дигори знал, что сказал не всё.

— Это мой дядя виноват, — продолжал он. — Он загнал нас хитростью в другой мир, дал волшебные кольца… мне пришлось туда отправиться, потому что Полли он послал первую… а в таком месте, называется Чарн, мы встретили ведьму…

— Встретили? — переспросил Аслан, и голос его немного походил на рычание.

— Она проснулась, — сказал Дигори, побледнел и сказал честно: — Я её разбудил. Я хотел узнать, что будет, если позвонишь в колокол. Полли не хотела, она не виновата… я с ней даже подрался. Я знаю, что нельзя было. Наверное, меня заколдовала надпись…

— Ты так думаешь? — тихо спросил Лев.

— Нет, — сказал Дигори. — Не думаю. Я и тогда притворялся.

Лев долго молчал, а Дигори думал: «Ничего у меня теперь не выйдет. Ничего я для мамы не получу».

Когда Лев заговорил снова, обращался он к зверям.

— Друзья, — сказал он, — хотя мир этот семи часов отроду, сын Адама уже занёс в него зло. — Звери, в том числе лошадь, воззрились на Дигори,

и он был бы рад провалиться сквозь землю. — Но не падайте духом. Зло это не скоро породит другое зло, и я постараюсь, чтобы самое худшее коснулось одного меня. А пока сотни лет мир этот будет радостным и добрым. Но поскольку зло принёс сын Адама, дети Адама и помогут исправить его. Подойдите ко мне!

Это он сказал Полли и Фрэнку, подоспевшим к концу его речи. Полли держала Фрэнка за руку и неотрывно глядела на Льва. Фрэнк, взглянув на Льва, снял котелок, без которого никто его ещё не видел, и стал моложе и красивее, меньше похож на кебмена, больше — на крестьянина.

— Я давно знаю тебя, сын мой, — сказал ему Аслан. — Знаешь ли ты меня?

— Нет, сэр, — отвечал Фрэнк. — Встречать я вас не встречал, но что-то такое чувствую… вроде где-то видел.

— Хорошо, — сказал Лев. — Ты чувствуешь вернее, чем помнишь, и узнаёшь меня лучше, чем знал. Нравится тебе этот край?

— Что говорить, неплохо у вас, — сказал Фрэнк.

— Хочешь остаться здесь навсегда?

— Понимаете, сэр, я человек женатый. Была бы тут жена, другое дело. На что нам с ней город, мы

оба деревенские.

Аслан встряхнул гривой, открыл пасть, издал один долгий звук — не громкий, но могучий, — и сердце у Полли затрепетало. Она знала: тот, кого Лев позвал, услышит его где угодно и придёт во что бы то ни стало, сколько бы миров и столетий ни разделяли их. Поэтому она не очень удивилась, когда молодая женщина с честным милым лицом возникла ниоткуда и встала рядом с нею. Полли сразу поняла, что это и есть жена Фрэнка и что перенесли её сюда не мерзкие кольца — она прилетела быстро, просто и тихо, как птица летит в своё гнездо. По-видимому, она только что стирала, ибо на ней был фартук, а на руках, обнажённых до локтей, засыхала пена. Всё это к ней очень шло. Успей она приодеться (скажем, надеть свою шляпу с вишнями), она была бы похуже.

Конечно, она думала, что видит сон, и потому не кинулась к мужу и не спросила, что это с ними. Однако, взглянув на Льва, она усомнилась, сон ли это, хотя и не слишком испугалась. Она сделала книксен — деревенские девушки ещё умели тогда их делать, — потом подошла к мужу, взяла его под руку и несмело огляделась.

— Дети мои, — сказал Аслан, пристально на них глядя, — вы будете первым королем и первой

королевой Нарнии.

Кебмен разинул рот, жена его покраснела.

— Правьте этими созданиями, и будьте к ним справедливы, и защищайте их от врагов. А враги будут, ибо в мир этот проникла злая колдунья.

Фрэнк прокашлялся и сказал:

— Прошу прощения, сэр, и спасибо вам большое и за неё, и за меня, но я такое дело не потяну. Учился мало.

— Скажи мне, — спросил Лев, — можешь ты справиться с плугом, с лопатой и вырастить здесь пищу?

— Да, сэр, вообще-то могу, вроде бы учили… — сказал Фрэнк.

— Ты можешь быть честным и милостивым? Можешь помнить, что они — не рабы, как их немые собратья в твоём мире, а говорящие звери и свободные граждане?

— Как же, сэр, — отвечал кебмен. — Что-что, а их я не обижу.

— Ты можешь воспитать твоих детей и внуков так, чтобы и они не обижали? — продолжал Лев.

— Попробую, сэр. Попробуем, а, Нелли?

— Ты можешь не делить ни детей, ни зверей на любимых и нелюбимых? Можешь помешать одним подчинять или мучить других?

— О чём разговор! — вскричал Фрэнк. — В жизни такого не терпел и другим не позволю (голос его становился все мягче и звонче — наверное, так, как сейчас, он говорил в юности, когда ещё не перенял городской хрипловатой скороговорки).

— А если в страну придут враги (помни, они придут), будешь ли ты первым в бою, последним — в отступлении?

— Понимаете, сэр, — очень медленно сказал

Фрэнк, — этого никто не знает, пока не проверит в деле. Может, я не из смелых. В жизни ни с кем не дрался, только на кулачках. Ну, ничего, постараюсь… то бишь, надеюсь, что постараюсь… сделаю, что могу.

— Что же, — сказал Аслан, — ты можешь всё, что требуется от короля. Я тебя короную. Ты, и дети твои, и внуки будете счастливо править Нарнией и Орландией, которая лежит к югу отсюда, за горами. А тебе, моя маленькая дочь, — обратился он к Полли, — я тоже очень рад. Скажи, ты простила своему другу то, что он сделал в пустынном дворце страшной страны Чарн?

— Да, Аслан, простила, — сказала Полли.

— Это хорошо, — сказал Аслан. — Ну, сын Адама…

Глава двенадцатая
Приключения Землянички

Дигори изо всех сил стиснул зубы. Ему стало совсем уж не по себе. Он надеялся, что в любом случае не струсит и вообще не опозорится.

— ...ну, сын Адама, — сказал Аслан, — готов ли ты исправить зло, которое причинил моей милой стране в самый день её рождения?

— Что же я могу сделать? — сказал Дигори. — Королева убежала, и...

— Я спросил, готов ли ты, — сказал Аслан.

— Да, — отвечал Дигори. Ему захотелось приба-

вить: «...если вы поможете маме», но он вовремя понял, что со Львом нельзя торговаться. Однако, отвечая «да», он думал о своей матери, и о своих надеждах, и об их крахе и потому всё-таки прибавил, глотая слёзы, едва выговаривая слова:
— Пожалуйста... вы не могли бы... как-нибудь помочь моей маме?

Тут, с горя, он в первый раз посмотрел не на тяжёлые лапы Льва и не на огромные когти, а на лицо (ни он, ни мы не скажем «морду») и несказанно удивился. Он увидел, что львиные глаза полны сверкающих слёз, таких больших, словно Лев больше горюет о маме, чем он сам.

— Сын мой, сынок, — сказал Аслан, — я знаю. Горе у нас большое. Только у тебя и у меня есть горе в этой стране. Будем же добры друг к другу. Сейчас мне приходится думать о сотнях грядущих лет. Колдунья, которую ты привёл, ещё вернется в Нарнию. Я хочу посадить здесь дерево, оно будет долго охранять страну, ибо злая королева не посмеет к нему приблизиться. Тогда утро Нарнии продлится много веков. Принеси мне зёрнышко этого дерева.

— Хорошо, — сказал Дигори, хотя и не знал, как это сделать.

Лев глубоко вздохнул, склонил к нему голову,

поцеловал его и сказал:

— Дорогой мой сын, я покажу тебе, что делать. Повернись к западу и скажи мне, что ты там видишь?

— Я вижу очень большие горы, — сказал Дигори. — Я вижу, как река срывается вниз со скалы, а за нею — лесистые склоны, а за ними — совсем высокие горы, покрытые снегом, как Альпы на картинке. А за ними — небо.

— Ты хорошо видишь, — сказал Лев. — Нарния кончается там, где водопад коснулся долины, дальше на Запад лежит другая, пустынная земля. Найди за горами ещё одну долину, и синее озеро, и белые горы. За озером — гора, на горе — сад, в саду — дерево. Сорви с него яблоко и принеси мне.

— Хорошо, Аслан, — сказал Дигори, хотя не понимал, как же перейдёт через горы. Говорить об этом он не хотел, чтобы Лев не подумал, будто он отказывается. — Только я надеюсь, ты не очень спешишь, быстро я не управлюсь, идти далеко.

— Я помогу тебе, сын Адама, — сказал Лев и повернулся к лошади, которая смирно стояла рядом, отгоняя хвостом мух и склонив набок голову, словно не всё понимала.

— Друг мой лошадь, — сказал Аслан, — хотела бы ты обрести крылья?

Видели бы вы, как она тряхнула гривой, и топнула копытом, и раздула ноздри, но сказала она:

— Если ты хочешь, Аслан… Тебе виднее, я не очень умная.

— Стань матерью крылатых коней, — прорычал Аслан так, что дрогнула земля. — Зовись отныне Стрелою.

И, как прежде — звери из-под земли, за её спиной появились крылья. С каждой секундой они становились больше — больше, чем у орла; больше, чем у лебедя; больше, чем у ангела на витраже. Перья отливали бронзой и медью. Лошадь взмахнула крыльями и поднялась в воздух футов на двадцать. Проделав красивые курбеты над Дигори и над Асланом, она описала большой круг и осторожно опустилась на землю, глядя застенчиво, удивлённо, но всё же — с немалой радостью.

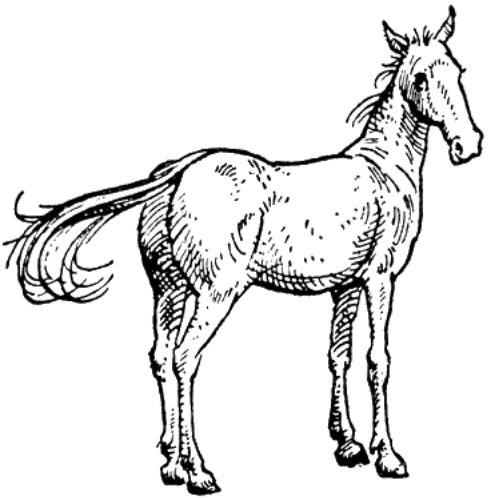
— Хорошо летать, Стрела? — спросил Лев.

— Очень хорошо, Аслан, — отвечала лошадь.

— Донесёшь ли ты Адамова сына до дерева и сада?

— Сразу? Сейчас? — вскричала Земляничка, или Стрела, теперь мы должны называть её так. — Ура! Садись, мальчик! Я возила таких, как ты, давно, в зелёных лугах.

— О чём вы шепчетесь, дочери Евы? — спросил Аслан Полли и жену Фрэнка, которые уже успели подружиться.



— Простите, сэр, — сказала королева Елена (так мы должны называть её), — маленькая мисс тоже хочет поехать, если вы не возражаете.

— Не меня спрашивайте, Стрелу, — сказал Лев.

— Мне что, сэр, — отвечала Стрела. — Они лёгонькие. Вот если бы слон попросился…

Слон ни о чём не просил, король Нарнии подсадил детей: Дигори быстро и весело, Полли нежно

и бережно, словно она фарфоровая.

— Ну вот, Земляничка! — сказал он. — Нет, что это я — Стрела!

— Не лети слишком высоко, — сказал Аслан. — Не пытайся подняться выше снежных вершин. Держись таких мест, где зелено. Они есть везде. Что же, благословляю тебя!

— Ой, Стрела! — сказал Дигори и потрепал лошадь по холке. — Вот это приключение! Держись за меня крепче, Полли!

И тут же всё упало куда-то вниз и завертелось, ибо лошадь, словно тяжёлый голубь, покружилась немного над долиной, прежде чем вылететь в путь. Глядя вниз, Полли едва различала короля с королевой, и даже сам Аслан казался ярким золотым пятном на зелёном поле. Потом в лицо ей подул ветер, и лошадиные крылья стали мерно вздыматься и падать справа и слева от неё.

Многоцветный край полей и скал, вереска и деревьев лежал внизу, и река ртутной лентой вилась сквозь него. Справа, к северу, зеленели холмы, за ними тянулись болота; слева, к югу, темнели горы, покрытые хвойным лесом, а между горами в голубой дымке виднелся какой-то дальний край.

— Наверное, там и есть Орландия, — сказала

Полли.

— Ты посмотри вперёд! — сказал Дигори.

Впереди, прямо перед ними, встали стеною скалы и засверкало солнце в водах реки, родившейся на западных плоскогорьях, а отсюда, с этих

круч, срывавшейся в самую Нарнию. Лошадь летела так высоко, что грохота они не слышали, но скалы были ещё выше, чем они.

— Придётся их обогнуть, — сказала Стрела. — Держитесь крепче!

И она стала кружить, поднимаясь с каждым витком.

— Ой, обернись! Погляди назад! — воскликнула Полли.

Сзади лежала долина Нарнии, длинная, до самого моря, до восточного окоёма. Теперь, с такой высоты, виднелись только маленький гребень гор за болотами к северу, а к югу — равнины вроде песочных площадок.

— Хорошо бы нам кто-нибудь объяснил, где что, — сказал Дигори.

— Наверное, тут никого нет, — сказала Полли. — То есть нет ни зверей, ни людей, и ничего не случается. Этот мир создан только сегодня.

— Люди тут будут, — сказал Дигори. — И у них, понимаешь, будет история.

— Спасибо, хоть сейчас нету… — сказала Полли. — Зубрить не надо. Битвы и даты, всякое такое…

Обогнув справа самые высокие скалы и поднявшись совсем высоко, они уже не видели Нарнию;

под ними лежали крутые склоны и тёмные леса по берегам реки. Солнце теперь слепило их, и видели они плохо, пока оно не исчезло в горниле неба, в расплавленном золоте, за острым пиком, очерченным так чётко, словно он вырезан из картона.

— Холодно тут, — сказала Полли.

— И крылья у меня болят, — сказала Стрела. — А долины всё нет, нет и озера. Не спуститься ли нам на ночь, не присмотреть ли хорошее местечко? До темноты всё равно не доберёмся туда, куда послал нас Аслан.

— Да, — сказал Дигори, — и поесть бы надо.

Стрела стала спускаться. Воздух теплел, и после часов тишины, нарушаемой лишь хлопаньем крыльев, приятно было слушать простые привычные звуки — журчание воды, струящейся меж камней, потрескивание веток. Тёплый запах прогретой земли, травы и цветов поднимался снизу. Наконец Стрела приземлилась, и Дигори,

спрыгнув с неё, подал руку Полли. Оба они с удовольствием размяли ноги.

Долина лежала в самом сердце гор. Снежные вершины нависали над ними, с одной стороны — светло-алые от солнца.

— Есть хочется, — сказал Дигори.

— Ну что ж, — сказала Стрела, жадно поедая траву. Потом подняла голову (трава свисала по обе стороны губ, словно усы) и прибавила: — Идите, ешьте, не стесняйтесь. Тут всем хватит.

— Мы травы не едим, — сказал Дигори.

— М-м… м-да, — проговорила лошадь, ещё не прожевав как следует. — Прямо и не жнаю, что делать. А трава какая хорошая…

Полли и Дигори растерянно взглянули друг на друга.

— Наверное, кто-нибудь накормит и нас, — сказал Дигори.

— Аслан бы накормил, — сказала лошадь, — если бы вы попросили.

— Разве он сам не знает? — спросила Полли.

— Жнает, как не жнать, — сказала Стрела (она ещё не всё прожевала). — Только мне кажетша, он любит, штобы его прошили.

— Что же нам делать? — сказал Дигори.

— Не знаю, — сказала Стрела. — Разве что траву

попробовать… Может, понравится.

— Не говори глупостей, — сказала Полли, топнув ногой. — Люди травы не едят. Не едите же вы отбивных.

— Не говори ты про отбивные! — сказал Дигори. — И без того худо. Лучше надень кольцо, зайди домой и принеси чего-нибудь поесть. Я не могу, ещё задержат, а я ведь обещал Аслану.

Полли отвечала, что не покинет их; Дигори сказал, что это благородно.

— Вот что, — вспомнила она. — У меня же остались тянучки. Всё лучше, чем голодать.

— Куда лучше! — сказал Дигори. — Только вынимай осторожно, кольца не задень.

Это ей удалось, правда, не без труда, но ещё труднее было отодрать тянучки от фантика, или, вернее, фантик от тянучек, так они слиплись. Кое-кто из взрослых (сами знаете, как они всё усложняют) обошёлся бы без еды, только бы не есть тянучек с бумагой. Всего конфет было девять, и Дигори решил съесть по четыре штуки, а одну посадить в землю.

— Из фонаря выросло дерево, — сказал он. — Значит, тут может вырасти и конфетное дерево.

И они выкопали ямку и сунули туда конфету, а другие съели, стараясь растянуть удовольствие.

Что ни говори, ужин был скудный, хотя и с бумагой.

Стрела тем временем поужинала на славу и легла. Дети притулились к ней, она покрыла их крыльями. Им стало тепло и уютно; появились новые звёзды нового мира, а дети всё говорили — о том, как надеялся Дигори вылечить маму, и о том, что его вместо этого послали за яблоком, и о признаках, по которым они узнают то самое место: синее озеро, зелёная гора, прекрасный сад. Беседа шла всё медленнее, дети уже засыпали, как вдруг Полли присела и проговорила:

— Ой, слышите?

Дигори, как ни старался, не услышал ничего и решил, что это ветер в деревьях; но лошадь тихо сказала:

— Накажи меня Аслан, а что-то там есть!

И, вскочив на ноги с шумом и грохотом, она принялась обнюхивать траву. Дети тоже встали, искали долго (Полли померещилась высокая тёмная фигура), ничего не нашли и опять притулились (если уместно такое слово) у лошади под крыльями. Они заснули сразу, а она долго прядала ушами во мраке и вздрагивала, словно сгоняя муху; потом заснула и она.

Глава тринадцатая
Неожиданная встреча

— Проснись, Дигори! — звала Полли. — Проснись, Стрела! Выросло конфетное дерево. А погода

какая!..

Низкие лучи солнца пронзали лес, трава была седой от росы, серебрилась паутина. Прямо за лошадью и детьми тёмное небольшое деревце с белёсыми шуршащими листьями гнулось под тяжестью густо-коричневых, похожих на финики плодов.

— Ура! — закричал Дигори. — Только я сперва окунусь.

И он ринулся к реке сквозь цветущие заросли. Доводилось ли вам купаться в горной речке, которая несётся через багряные, сизые и жёлтые камни, а солнце сверкает на мелких водопадах? Там хорошо, как в море, — даже лучше. Конечно, вытереться или обсохнуть Дигори не мог, оделся прямо так. Когда он вернулся, к реке пошла Полли и тоже выкупалась (так она сказала, но, зная, что плавать она не умеет, мы думаем, она просто вымылась как следует), а Стрела вошла в воду по колена, напилась и заржала, встряхивая гривой.

Только тогда дети принялись собирать плоды конфетного дерева. Вкус был не совсем такой, как у настоящей тянучки, — всё же плоды сочнее; но похожий и очень хороший. Стрела попробовала, похвалила, но заметила, что на завтрак предпочитает траву. Потом дети не без труда взобрались

лошади на спину, и она поднялась в воздух.

Лететь было ещё лучше, чем вчера, — и потому, что все отдохнули, и потому, что солнце всходило сзади, а всё красивей, когда свет сзади вас. Ах, как хорошо они летели! Куда ни взгляни, сверкали высокие горы. Долины зеленели ярко, реки, сбегавшие с гор, были синие, словно под тобою, внизу, огромные изумруды и сапфиры. Вскоре дети почуяли какой-то запах и стали спрашивать друг друга: «А что это?» — «Нет, правда пахнет?» — «Откуда, с какой стороны?» Запах был просто дивный, нежный, сладостный, словно где-то росли прекраснейшие в мире цветы или плоды.

— Это из долины, где озеро, — сказала лошадь.

— Да, — сказал Дигори, — смотрите! За озером — горы, а вода какая синяя…

— То самое место, — сказали все трое.

Стрела стала спускаться большими кругами, воздух теплел, запах усиливался, просто плакать хотелось — так он был прекрасен, и когда лошадиные копыта коснулись земли, кругом были не скалы и не горы, а густая трава. То был пологий склон. Дети прокатились немного вниз по высокой траве и встали, переводя дух.

Оказались они почти у вершины — ну, на четверть пути ниже — и решили сразу взобраться на

самый верх. Там, наверху, стояла живая зелёная изгородь, а за нею росли деревья. Через изгородь свисали ветви, и, когда пробегал ветер, листья на них серебрились, даже отливали голубым. Довольно долго дети шли вдоль стены, обошли чуть не всю вершину, пока, наконец, не увидели золотые ворота, обращённые на восток.

Наверное, Полли и Стрела думали тоже войти в них, но сразу же отказались от этой мысли. Так и чувствовалось, что сад этот — чей-то и ходить туда без спроса нельзя. Словом, Дигори подошёл к воротам один.

Подойдя к ним вплотную, он увидел на золоте серебряные строки, примерно такие:

Ты, что пришёл к воротам золотым,
Сорви мой плод, отдай его другим.
Но если для себя его сорвёшь,
Страсть утолишь и муку обретёшь.

«Отдай его другим, — повторил Дигори. — Что ж, именно для того я и прибыл. Значит, есть его мне самому нельзя. Но как открыть ворота? Не лезть же через изгородь!» Он тронул ворота рукой, и они беззвучно открылись.

В саду стояла тишина, лишь слабо журчал фонтан. Пахло так же дивно, всё было прекрасно

здесь, но совсем не весело.

Дерево он узнал сразу — и потому, что оно стояло посреди сада, и потому, что яблоки ярко сверкали, бросая отсвет на затенённую землю. Подойдя к нему, он сорвал серебристый плод и положил его в карман куртки. Однако сперва он его понюхал.

Лучше бы он этого не делал! Больше всего на свете ему захотелось сорвать ещё один, для себя. «Быть может, — подумал он, — надпись не приказ, а совет? И вообще, я же сорвал яблоко для других; какая разница, что я сделаю с остальными?»

Размышляя об этом, он ненароком взглянул сквозь ветви на верхушку дерева. Там, над его головой, прикорнула прекраснейшая птица. Я говорю «прикорнула», потому что она то ли спа-

ла, то ли нет, один её глаз был закрыт не совсем плотно. Казалась она побольше орла, грудка её отливала золотом, хвост — пурпуром, на голове алел хохолок.

— В таких местах, — говорил Дигори позже, рассказывая обо всём этом, — надо держать ухо востро. Мало ли кто за тобой следит!.. — Однако, я думаю, он бы и сам не сорвал яблока. Должно быть, всякие прописи (скажем, «не укради») вбивали тогда мальчикам в голову крепче, чем теперь. Хотя, кто знает…

Он повернулся, чтобы идти обратно, огляделся напоследок и замер от ужаса: он был не один. Неподалёку от него стояла колдунья. Она как раз отшвырнула сердцевину только что съеденного яблока. Губы её были выпачканы соком, почему-то очень тёмным; это было страшновато, и Дигори смутно начал понимать строку о страсти и муке — колдунья казалась ещё сильнее и надменнее, чем прежде, она торжествовала, и всё же лицо её было белым, как соль.

Мысли эти мелькнули в его мозгу, и он уже летел к воротам, а колдунья гналась за ним. Как только он выбежал, ворота закрылись сами собой. Но не успел он добежать до друзей и крикнуть: «Полли, Стрела, скорей!» — как колдунья,

перемахнув через стену, нагнала его.

— Стой! — крикнул он, повернувшись к ней лицом. — Стой, а то мы исчезнем. Не подходи.

— Глупый мальчишка, — сказала она, — зачем ты от меня бежишь? Я тебе зла не желаю. Подожди, послушай меня, иначе ещё пожалеешь. От меня ты узнаешь то, что даст тебе счастье на всю жизнь.

— Не хочу, спасибо, — сказал Дигори. И остался.

— Я знаю, что тебе нужно, — продолжала колдунья. — Я слышала вчера вашу беседу, я всё слышу. Ну что ж, яблоко ты сорвал, оно у тебя в кармане. Ты не тронешь его, отнесёшь Льву, он его съест, он обретёт счастье и силу. Простак ты, простак! Да это же плод вечной молодости, яблоко жизни. Я съела его и никогда не умру, даже не состарюсь. Съешь его сам, съешь сам, и мы будем жить вечно и станем править любым миром, если хочешь — твоим.

— Нет, спасибо, — сказал Дигори. — Навряд ли мне захочется жить, когда умрут все, кого я знаю. Поживу сколько надо, умру и пойду на небо.

— А как же твоя мама? Ты говорил, что очень любишь её.

— При чём тут она? — сказал Дигори.

— Да неужели ты не понимаешь, глупец, что яблоко исцелит её? Оно у тебя, мы одни, Лев далеко. Вернись домой, дай матери откусить кусочек, и через пять минут она поправится. Ей станет легче, она заснёт без боли, без лекарств — подумай об этом! Наутро все удивятся, что она здорова. Всё станет у вас хорошо, вернётся счастье, и сам ты будешь таким, как другие мальчики.

— Ой! — задохнулся Дигори, словно ему стало больно, и приложил ладонь ко лбу. Теперь он знал, что перед ним — самый страшный выбор.

— Что сделал для тебя этот Лев? — продолжала колдунья. — Почему ты служишь ему? Что сделал он для тебя и что он сделает тебе? Подумай, что сказала бы твоя мать, узнай она, что ты мог её спасти — и не спас? Отец твой умрёт от горя, а ты предпочитаешь служить какому-то дикому зверю в диком краю…

— Он… он не дикий зверь, — еле выговорил Дигори. — Он… я сам не знаю…

— Он хуже зверя, — сказала колдунья. — Смотри, что он сделал с тобой. Смотри, каким ты стал по его вине. Таким становится всякий, кто его слушает. Жестокий, безжалостный мальчишка! Мать умирает, а ты…

— Перестань! — еле слышно сказал несчаст-

ный Дигори. — Что же я, не понимаю? Но… я дал слово.

— Ты сам не знал, что говоришь, — сказала колдунья.

— Мама, — с трудом проговорил Дигори, — не хотела бы, чтобы я… Она учила меня держать слово… и не красть… и вообще… Если бы она была здесь, она сама сказала бы мне, что яблоко брать не надо.

— Зачем же ей знать? — почти пропела колдунья (трудно было представить себе, что её голос может звучать так сладко). — Не говори ей и папе не говори. Никто в твоём мире ничего не узнает. И девочку с собой не бери.

Тут колдунья и сделала непоправимый промах. Конечно, Дигори знал, что Полли может вернуться сама, но колдунья этого не знала. А самая мысль о том, чтобы бросить Полли здесь, была такой мерзкой, что все другие слова колдуньи сразу же показались подлыми и фальшивыми. Как ни худо было Дигори, он сказал громко и чётко:

— Тебе-то что? Какое тебе дело до моей мамы? Что тебе нужно?

— Молодец, Дигги! — услышал он голос Полли. — Скорей, бежим!

Понимаете, она молчала всё время, ведь это не

у неё умирала мать.

— Бежим! — повторил Дигори, помогая ей влезть на спину Стреле, и вскочил туда вслед за нею. Лошадь расправила крылья.

— Что же, бегите, глупцы! — крикнула колдунья. — Ты ещё припомнишь меня, несчастный, когда будешь умирать! Ты вспомнишь, как отверг плод вечной юности! Другого яблока тебе не даст никто.

Они едва расслышали сверху её слова, а она, не тратя попусту времени, направилась по склону горы куда-то на север.

Встали они очень рано, в саду пробыли недолго, и Полли со Стрелой решили, что будут в Нарнии засветло. На обратном пути Дигори молчал, и они не решались с ним заговорить. Он сильно мучился, порою — корил себя, но, вспомнив слёзы Аслана, понимал, что иначе поступить не мог.

Стрела летела целый день всё на восток, вдоль реки, между высокими горами, над лесистыми холмами, над водопадом, ниже, ниже, туда, где тень скалы покрыла леса Нарнии. Когда закат обагрил небо за ними, все трое увидели внизу много самых разных существ. Различив среди них ярко-золотое пятно, Стрела стала спускаться и наконец, встав на ноги, сложила крылья. Дети

спрыгнули на землю, и Дигори увидел, что звери, сатиры, нимфы, гномы расступились перед ним. Тогда, направившись прямо ко Льву, он протянул ему яблоко и сказал:

— Вот оно, Аслан.

Глава четырнадцатая
О том, как посадили дивное дерево

— Хорошо, — сказал Аслан, и земля содрогнулась от его голоса, и Дигори понял, что жители Нарнии слышали и будут передавать их слова своим детям век за веком, быть может — всегда. Но не зазнался, ибо не думал об этом, стоя перед Асланом. Теперь он мог выдержать львиный взор. О себе он забыл и ни о чём не печалился.

— Хорошо, сын Адама, — повторил Лев. — Ради этого плода ты жаждал, и алкал, и плакал. Лишь

ты вправе посадить дерево, которое защитит Нарнию. Брось яблоко у реки, где мягкая почва.

Дигори повиновался. Было так тихо, что вы бы услышали, как мягко упало яблоко на землю.

— И бросил ты хорошо, — сказал Аслан. — Теперь пойдём на коронацию короля Франциска Нарнийского и королевы Елены.

Тут дети заметили Фрэнка и Нелли, одетых совсем иначе — причудливо и прекрасно. Четыре гнома держали шлейф королевской мантии, четыре нимфы — шлейф королевина платья. Он был без котелка, она — без чепчика. Королева распустила волосы (что несказанно её украсило), но не одеяния и не причёска так сильно изменили королевскую чету. Лица их стали иными, особенно у короля. Хитрость, недоверчивость, сварливость лондонского кебмена исчезли, словно их и не было, и всем открылись его отвага и доброта. Наверное, помог сам воздух Нарнии, или беседы со Львом, или что ещё.

— Ну и ну! — шепнула Полли Стрела. — Мой хозяин изменился не меньше меня самой. Теперь он и впрямь хозяин!

— Да, — сказала Полли. — Ой, ты мне ухо щекочешь!..

— Посмотрим, — сказал Аслан, — что выросло

на *этих* деревьях. Напутали, теперь — распутайте.

И Дигори увидел клубок или клетку, точнее — большой, как клетка, клубок переплетенных

ветвей. Два слона пустили в дело хоботы, три гнома — топорики, быстро всё расчистили, и зрителям явились золотое деревце, серебряное и ещё какое-то, непонятное, но очень грязное.

— Ух ты! — сказал Дигори. — Да это же не дерево, а дядя!

Чтобы все объяснить, отступим немного назад. Как вы помните, звери пытались посадить дядю в землю и полить. От воды он очнулся, увидел толпу зверей и страшно взвыл; с него текли потоки, а земля, осевшая до щиколоток, хлюпала, превратившись в грязь. Вообще-то это было хорошо, потому что все, даже кабан, поняли, что он живой, и выкопали его. Но бежать он не смог, слон схватил его хоботом — помните, звери считали, что надо подержать его, пока не придёт Аслан. И вот они сплели вокруг него клубок из веток, а потом набросали туда еды.

Осёл нарвал чертополоха, но дядя его есть не стал. Белка стала метать ему орехи, но дядя прикрыл голову руками и радости не выказал. Птички услужливо роняли сверху отборных червей, но тщетно. Особенно старался медведь — он не съел пчелиное гнездо, которое нашёл в лесу, и благородно отдал его дяде. Пчёлы ещё не все улетели, и, когда добрый зверь сунул клейкий

ком в просвет между ветками, дядя дёрнулся, поскользнулся и сел на землю, вернее — на репьи. «А всё-таки, — сказал барсук, — мёду он поел». И впрямь, медведь дотянулся лапой до узника и ткнул улей ему в лицо. Звери искренне привязались к своему странному питомцу и надеялись, что Лев разрешит им его держать. Самые умные утверждали, что некоторые звуки, которые он издает, что-то значат. Назвали его Бренди, ибо это сочетание слогов дядя повторял часто и довольно чётко.

На ночь его оставили в клетке-клубке: Аслан был занят. У дяди накопилось много орехов, яблок, груш, бананов, но всё же он провёл неприятную ночь.

— Подведите его ко мне, — сказал Аслан. Один из слонов поднял дядю Эндрью и положил у самых лап Льва. Дядя не шевелился от страха.

— Аслан, — сказала Полли, — успокой его, пожалуйста! И... и спугни, чтобы он больше сюда не являлся.

— Ты думаешь, он захочет сюда явиться? — спросил Аслан.

— Понимаешь, — сказала Полли, — он может послать кого-нибудь. Он обрадовался, что из железки вырос фонарь, и решил...

— Он ошибся, моя дорогая, — сказал Аслан. — Здесь всё растёт эти несколько дней, пока моя песнь висит в воздухе; но она умолкнет. Я не могу сказать ему об этом и не могу его утешить, он слишком плохой. Ему не услышать меня. Если я заговорю с ним, он услышит только рёв и рычание. О, сыны Адамовы, как умело защищаетесь вы от всего, что вам ко благу! Что ж, я дам ему то единственное, что он способен принять.

Он печально опустил большую голову и подул в испуганное лицо чародея.

— Спи, — сказал он, — спи, отгородись на несколько часов от бед, которые ты вызвал. — И дядя Эндрью тут же закрыл глаза, дыхание его стало ровным.

— Положите его в стороне, — сказал Аслан. — А теперь, гномы, покажите, на что вы способны. Сделайте короны для короля и королевы.

Гномы бросились толпой к золотому деревцу и вмиг оборвали все листья, даже обломали ветки (не все!). Теперь Дигори и Полли увидели, что дерево и впрямь золотое, из настоящего, чистого, а значит — мягкого золота. Конечно, оно выросло из золотых монет, выпавших из дядиных карманов, точно так же, как серебряное выросло из серебряных. Невесть откуда гномы притащили хворост, молоточки, наковальню, меха — и через минуту-другую огонь ревел, меха пыхтели, золото гнулось под весёлый перестук. Гномы знали своё кузнечное дело! Два крота (они любили копать) положили на траву кучу драгоценных камней. И вот под умелыми пальцами маленьких кузнецов засверкали короны — не уродливые и не тяжёлые, как у нынешних монархов, а лёгкие, тонкие, красивые, словно обруч феи. Корона короля была усыпана рубинами, корона королевы — изумрудами.

Когда их охладили в реке, король и королева опустились на колени перед Львом, и он короновал их, а потом сказал:

— Встаньте, Франциск и Елена, отец и мать великих королей Нарнии, Орландии и Островов! Правьте справедливо и милостиво.

Будьте отважны. Благословение моё — навсегда с вами.

Поднялся радостный крик, слоны трубили, птицы хлопали крыльями, а королевская чета стояла торжественно и смущённо, и чем смущённей были они, тем благородней. Дигори ещё кричал «Ура!», когда услышал глубокий голос:

— Глядите!

Толпа повернулась, и все издали удивлённый, радостный вздох. Немного поодаль стояло прекраснейшее в мире дерево. Оно выросло тихо и быстро, словно подняли флаг на флагштоке, пока длилась коронация. Ветки его осеняли светом, а не тенью, ибо были усыпаны сверкающими, как звёзды, серебристыми яблоками. Но прекрасней всего был запах, и, вдыхая его, никто уже не мог ни о чём другом думать.

— Сын Адама, — сказал Лев, — ты хорошо сделал своё дело. А вам, обитатели Нарнии, я поручаю другое: оберегайте эту яблоню, как она

оберегает вас. Колдунья бежала далеко на север. Там она будет жить, укрепляясь в тёмной силе, но пока дерево живо, она не придёт в Нарнию. Запах его, дарующий нам жизнь, здоровье и радость, для неё — ужас, отчаяние и смерть.

Все смотрели на дерево, а Лев, сверкнув золотой гривой, повернулся к Дигори и Полли, заметив, что они о чём-то шепчутся.

— Что с вами, дети? — спросил он.

— Ой, Аслан, прости меня!.. — начал Дигори, густо краснея. — Я забыл сказать, *она* съела яблоко… — Он замялся, и Полли договорила за него, она гораздо меньше боялась показаться глупой.

— Вот мы и подумали, Аслан, — сказала она, — что тут какая-то ошибка. Колдунья не испугалась запаха.

— Почему ты так решила, дочь Евы? — спросил Лев.

— Она же съела яблоко! — сказала Полли.

— Дорогая моя, — ответил Лев, — потому она и боится дерева. Так бывает со всеми, кто сорвёт плод не вовремя и не вовремя вкусит. Плод хорош, но он приносит благо только тогда, когда ты вправе его съесть.

— Вот как… — сказала Полли. — Значит, он ей не поможет? Она не будет жить вечно?

— Будет, — сказал Лев, печально качая головой. — Она получила то, что хотела: неистощимую силу и бесконечную жизнь, как богиня. Но для злых сердцем долгота дней — лишь долгота бед, и она уже поняла это. Каждый получает то, что хочет; не каждый этому рад.

— Я… я и сам чуть не съел яблоко, — признался Дигори. — Тогда бы и я…

— Да, сын мой, — сказал Аслан. — Яблоко непременно даёт бессмертие и силу, но они не идут на пользу тому, кто сорвал его по *своей* воле. Если бы кто-нибудь посадил здесь то семя не по моему велению, а сам, дерево охраняло бы Нарнию, но как? Нарния просто стала бы жестокой и сильной державой вроде Чарна, а не доброй страной, какою я создал её. Колдунья хотела, чтобы ты ещё в одном нарушил мою волю, ты помнишь?

— Помню, — сказал Дигори. — Она подбивала меня взять яблоко для мамы.

— Оно бы вылечило твою маму, — сказал Лев, — но пришёл бы день, когда и ты, и она пожалели бы об этом.

Дигори молчал, он молча плакал, утратив последнюю надежду, но знал, что Лев говорит правду, на свете есть то, что страшнее смерти. Он плакал, пока не услышал тихий голос:

— Так было бы, сын мой, если бы ты поддался и сорвал яблоко. Теперь будет не так. В твоём мире нельзя жить вечно, но здоровым быть можно. Иди сюда. Сорви яблоко для мамы.

Дигори понял не сразу, а когда понял, медленно, словно во сне, подошёл к дереву. Король и королева закричали «ура!», а гномы и звери подхватили крик, когда он сорвал яблоко и положил в карман. Потом он вернулся ко Льву.

— Можно, я пойду домой? — спросил он, забыв сказать «спасибо», но Аслан его понял.

Глава пятнадцатая
О том, как кончилась эта повесть и начались все остальные

— Когда я с вами, колец не надо, — сказал глубокий голос. Дети заморгали, огляделись — они опять были в Лесу-между-мирами, дядя спал на траве, Аслан стоял над ним.

— Пора вам в ваш мир, — сказал Лев. — Только сперва я покажу вам две вещи, и вы запомните их.

Они посмотрели и увидели ямку в траве, сухую, без воды.

— Прошлый раз, — сказал Лев, — это был пруд, через него вы попали в Чарн, где умирало солнце. Теперь пруда нет, нет и Чарна, словно его и не было. Пусть помнят об этом потомки Адама и Евы.

— Хорошо, Аслан, — сказали дети, а Полли спросила:

— Мы ведь ещё не такие плохие, как они?

— Ещё не такие, дочь Евы, — сказал Лев. — Но с каждым столетием всё хуже. Очень может быть, что самые плохие из вас узнают тайну, опасную, как то заклятие. Скоро, очень скоро, раньше, чем вы состаритесь, в великих странах вашего мира будут править тираны, которым так же безразличны радость, милость и правда, как злой королеве. От вас и от подобных вам зависит, долго ли они пробудут и много ли натворят. Это — предупреждение. А теперь — повеление: как можно скорее отнимите у дяди кольца и закопайте поглубже, чтобы никто их больше не трогал.

Дети глядели на Льва, и вдруг лицо его стало сверкающим золотым диском, или золотым

морем, в которое они погрузились, ощутив при этом такое блаженство и такую силу, что им показалось, будто они ещё не знали счастья и мудрости, никогда не были хорошими и даже вообще не жили. Память об этом мгновении осталась с ними навек, и, пока они были вместе, одна мысль о дивном блаженстве смывала страх, раздражение и горечь; мало того — им казалось, что блаженство это — рядом, за дверью или за углом, и вот-вот вернётся. А сейчас, почти сразу, все трое оказались в шумном и душном Лондоне. Дядя, естественно, проснулся.

Стояли они перед домом Кеттерли, и всё было точно так же, только исчезли кебмен, лошадь и колдунья. У фонарного столба не хватало железки; на мостовой лежал разбитый кеб; толпа ещё не разошлась. Все занимались главным образом оглушённым полисменом, и то и дело слышалось: «Вроде очнулся!..», или: «Ну как, получше?», или: «Сейчас придёт «Скорая помощь».

«Вот это да! — подумал Дигори. — Здесь не прошло и секунды».

Многие удивлялись, где же великанша и лошадь. Детей не заметил никто — ни тогда, ни теперь. Дядю Эндрью никто бы и не мог узнать в таких лохмотьях и в меду. К счастью, дверь была

открыта, служанка стояла на пороге (вот уж день так день!), и дети быстро втащили дядю в дом, никто ничего и не спросил.

Дядя кинулся вверх по лестнице, и они испугались, не хочет ли он спрятать оставшиеся кольца, но беспокоиться было не о чем: он спешил подкрепиться. Из своей спальни он вышел в халате и затрусил в ванную.

— Ты добудешь все кольца, Полли? — спросил Дигори. — Я хочу сразу пойти к маме.

— Добуду, — отвечала Полли. — Скоро увидимся. — И побежала на чердак.

Дигори перевёл дух и тихо вошёл в мамину спальню. Среди подушек, как и много раз прежде, белело её исхудавшее лицо, от одного взгляда на которое вы бы заплакали. Дигори вынул из кармана яблоко жизни.

Как и колдунья, здесь, в нашем мире, оно выглядело иначе, чем в том, своём. Вокруг было много красок — цветы на обоях, занавески, голубая мамина кофточка, — но сейчас всё это казалось бесцветным. Даже солнечный свет казался тусклым. Яблоко отбрасывало зайчики на потолок. Ни на что другое и смотреть не хотелось. О запахе я говорить не буду — словно открыли окно в небо.

— Какое чудо! — сказала мама.

— Съешь его, очень тебя прошу! — сказал Дигори.

— Не знаю, разрешит ли доктор, — ответила она. — Нет, конечно, оно не повредит мне…

Дигори нарезал его на кусочки и дал их маме один за другим. Когда она всё доела, она улыбнулась, и голова её снова упала на подушки. Она впервые заснула без этих гнусных таблеток, а Дигори знал, что ни о чём она не мечтала так сильно. Лицо у неё стало немножко другое. Он тихо её поцеловал и тихо вышел; сердцевину яблока он взял с собой. До самого вечера, глядя на обычные, будничные вещи, он то и дело терял надежду, но вспоминал Аслана — и обретал её.

Вечером он зарыл в саду сердцевину яблока.

Наутро пришёл доктор и довольно скоро вышел с тётей Летти в гостиную.

— Мисс Кеттерли, — сказал он, — это самый поразительный случай в моей практике. Это… это чудо какое-то! Мальчику я бы ещё не говорил, не надо возбуждать надежду слишком рано… Однако, на мой взгляд… — И Дигори перестал его слышать.

Попозже он вышел в сад и просвистел условный сигнал (вечером Полли прийти не смогла).

— Ну что? — спросила Полли, выглядывая из-за

стены. — Как мама?

— Кажется… кажется, хорошо, — сказал Дигори. — Ты прости, я ещё не хочу об этом говорить. А как кольца?

— Вот они, — сказала Полли. — Не бойся, я в перчатках. Давай их закопаем.

— Давай. Я отметил место, где закопал сердцевину яблока.

Полли перелезла через стену, и они пошли туда, но, оказывается, отмечать было не нужно — что-то уже росло из земли, не так быстро, как в Нарнии, но росло. Рядом, поближе, Полли и Дигори закопали все кольца, в том числе — свои.

Через неделю уже не было сомнений, что миссис Кёрк выздоравливает. Ещё через две она вышла в сад. А через месяц всё в доме изменилось: занавеси раздвинули, окна открыли настежь, тётя Летти стряпала для сестры всё, что та хотела, повсюду стояли цветы, рояль настроили, мама снова пела и так забавлялась с Дигори и Полли, что тётя сказала: «Знаешь, Мейбл, ты у нас младше всех!»

Беда не приходит одна, не приходит одна и радость. Месяца через полтора они получили письмо от папы из Индии. Умер его двоюродный дед, старый лорд Кёрк, а папа был его наследни-

ком. Теперь ему не надо было служить, он мог навсегда вернуться в Англию. Большое поместье, о котором Дигори слышал с детства, стало теперь их домом со всеми конюшнями, теплицами, парком, виноградниками, лесами и даже горами (правда, уже за оградой). Казалось бы, чего ещё; но всё-таки я сообщу вам несколько необходимых сведений.

Полли проводила в поместье все праздники и каникулы и научилась доить, ездить верхом, плавать и лазать по горам. В Нарнии же звери жили радостно и мирно, и никто не тревожил их много сотен лет. Радостно жили и король Франциск с королевой Еленой и их дети, причём младший сын стал королем Орландии. Сыновья их женились на нимфах и дриадах, дочери выходили замуж за лесных и речных божков. Фонарь светил день и ночь; и когда много лет спустя другая девочка в снежную ночь пришла из нашего мира в Нарнию, она почти сразу увидела его. А случилось это вот почему.

Дерево, которое посадил в саду Дигори, хорошо разрослось, но здесь, на нашей земле, далеко от Аслана и от животворящего воздуха Нарнии, яблоки на нём уже не смогли бы исцелять умирающих. Они были совсем обычные, хотя и самые

красивые в Англии. Однако дерево не забыло, откуда оно взялось. Иногда оно трепетало без ветра, потому что ветер дул в Нарнии; английское дерево вторило нарнийскому. А может быть, в нём все ещё осталась волшебная сила. Когда Дигори вырос и стал знаменитым ученым, путешественником, профессором и лондонский дом принадлежал ему, дерево сломала буря. Сжечь его как дрова он не мог и заказал из него шкаф, который перевёз в поместье. Сам он не знал, что шкаф волшебный, но другие это открыли, и так начались те путешествия в Нарнию, о которых вы можете прочитать в других книжках.

Переезжая в поместье, семья Кёрк взяла дядю Эндрью с собой, потому что отец сказал:

— Поможем ему, бедняге, а бедной Летти пора и отдохнуть.

Чародейство дядя оставил и сам стал получше, не таким себялюбцем. Но одно он любил: увести гостя в бильярдную и рассказать ему о даме королевского рода, которой он показывал некогда Лондон. «Чертовский темперамент, я вам скажу, — прибавлял он. — Но какая женщина, мой дорогой, какая женщина!»